

Юлия

Захар

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ты - МОЙ ГРЕХ

Юлия Гауф

Ты – мой грех

«Автор»

2023

Гауф Ю.

Ты – мой грех / Ю. Гауф — «Автор», 2023

— Ну здравствуй, Люба, — опустился за стол, и сузил глаза, глядя в её — миндалевидные, кошачьи.— Ты?— Я, — кивнул, чувствуя, как разгорается злость. Значит, все же, шлюха. А я её на руках хотел носить, идиот. Но убийца? Наркоманка? Ей девятнадцать всего.— Давай, рассказывай. Желательно правду, не будем тратить время. Или будешь как все орать, что это не ты убила Уварова, и что все произошло случайно? Люба нахмурилась, потерла виски пальцами, и в упор посмотрела на меня.— Я не буду говорить, что это не я, Руслан. Вот тебе правда. Я его ударила, он упал, и больше не очнулся. Я убийца. А теперь можешь меня посадить, мне уже плевать.

© Гауф Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Гауф

Ты – мой грех

Пролог

– Отпустите меня! Вы права не имеете меня удерживать.
Женский крик доносится из моего кабинета. И голос мне знаком.
ОНА что здесь делает?!

– Привет, Рус, – из кабинета мне навстречу вышел коллега. – Я тебе звонил раз сто.
– Телефон сдох, заехал перед работой за зарядником, – сжал в кулаке шнур, и кивнул на дверь. – Какого хрена она здесь? Это же Люба?

– Люба, – Андрей отвел взгляд, что на него не похоже.
– Ну и?
– Её задержали.
Из кабинета продолжают доноситься возмущенные крики.
Люба. Девочка-беда... больше не моя беда. Достала!

– Бумаги оформи, и отпусти. Я в твоём кабинете пока буду. Зря ко мне притащил, – бросил я, и хотел было уже идти в сто четырнадцатый кабинет Андрея, но тот остановил.

– Жена у меня рождает, Рус. Тебе придется самому с Любой разобраться, сам понимаешь.
– Просто иди и отпусти её, – процедил. – Не убила же никого, нехер ей здесь делать.
– Вообще-то есть тело, – понизил Андрей голос. – Уваров. Олигарх, слышал про него? Горничная вызвала полицию, мне сообщили, и Любу твою я выцепил, привез, и...

– И по порядку рассказывай, – сдался я. Придется мне встретиться с Любой.
– Люба пришла в отель сама, записи с камер есть. Одета была... ну, увидишь сам. Больше раздета, чем одета. Пришла к Уварову, опять же никто силой не тащил. Полтора часа их не было слышно, затем в люкс олигарха зашли охранник и горничная, чтобы проверить Уварова, и нашли его тело. Наркоту. Кровь. И Любу.

Дьявол!

– Езжай к своей Лизе. Напиши, как родит. Беги уже, – махнул я Андрюхе, выдохнул, и вошел в кабинет.

На стуле, напротив моего стола сидит Люба. Черт, её в убийстве подозревают, но она и не думает плакать. Горит она ярко, как и всегда. Это восхищает, и это бесит.

А еще я тупо больше не хотел её видеть.

Предала.

Осмотрел её мельком – одета как дорогая шлюха, и в отеле она не в нарды с Уваровым играла, явно. А мне говорила, что девственница.

Маленькая лгунья.

Я кивнул младшему следователю, чтобы оставил нас одних

– Ну здравствуй, Люба, – опустился за стол, и сузил глаза, глядя в её – миндалевидные, кошачьи.

– Ты?

– Я, – кивнул, чувствуя, как разгорается злость.

Значит, все же, шлюха. А я её на руках хотел носить, идиот.

Но убийца? Наркоманка? Ей девятнадцать всего.

– Давай, рассказывай. Желательно правду, не будем тратить время. Или будешь как все орать, что это не ты убила Уварова, и что все произошло случайно?

Люба нахмурилась, потерла виски пальцами, и в упор посмотрела на меня.

– Я не буду говорить, что это не я, Руслан. Вот тебе правда. Я его ударила, он упал, и больше не очнулся. Я убийца. А теперь можешь меня посадить, мне уже плевать.

Глава 1

2 недели назад

На третий этаж я забралась легко, не в первый раз через балкон приходится забираться. Эту женщину, хозяйку квартиры, я заметила два месяца назад. Выучила её расписание, знаю когда она гуляет с собакой во дворе, когда уезжает на работу, и во сколько возвращается. И теперь я гостя в ее доме.

Незваная гостя, которая влезает через окно. Всего-то третий этаж, но был бы девятый – и тогда бы полезла, мне не привыкать.

– Привет, красавчик, – поприветствовала я смешного тойтерьера своей «квартирной хозяйки». – Ты же умеешь хранить секреты?

Пёсик умеет.

Я здесь не впервые.

Прошла по знакомой квартире, за три дня ничего не изменилось, вот только...

– О-па, а это что? – вгляделась в синюю коробочку с презервативами на прикроватной тумбочке, и фыркнула: – А я -то думала, что здесь скромница живет.

Времени до возвращения Леры – три с половиной часа. Много, но терять его по пустякам не хочется, нужно сделать то, ради чего я влезла в чужое жилище.

Я вышла из спальни, провела пальцем по беговой дорожке – пыльная, Лера так и не начала бегать. А затем я вошла в ванную, и начала набирать воду. И через десять минут я уже нежилась в горячей, ароматной воде.

На что только девушка из трущоб не пойдет, чтобы хорошо помыться!

Я мурлыкала себе под нос песенку, играла пальцами на ногах с напором воды, и получала ни с чем не сравнимое удовольствие. Это такой кайф – лежать в воде, в ванной, в квартире, где нет никого, кроме маленького, почти игрушечного пса.

Не то что наша коммуналка в бараке, который нужно было снести еще лет сорок назад. Там и ванны-то нет, только раздолбанный, вечно занятый постирушками душ.

Ни помыться, ни поесть нормально, ни уединиться.

Кто-то страдает по этому поводу, кто-то смирился, кто-то спился, а вот я нашла другой способ почувствовать себя юной, симпатичной и счастливой девушкой – залезть в чужой дом, и представить, что я здесь хозяйка. Я не ворую, хотя, конечно, соблазн был – нам иногда и есть-то нечего, но... нельзя. Табу.

Впрочем, вламываться в чужие дома тоже табу, но должны же и у меня быть в жизни радости. Пусть они и состоят из горячей ванны, ароматной пены и чужого чая с бергамотом.

Фантазий моих обычно хватает на час, затем нужно быстро сушить полотенце, протирать кафель в ванной, остужать чайник и всячески замечать следы своего здесь присутствия. И возвращаться в коммуналку к соседям-алкашам, опустившимся матери и отчиму, к маленькой любимой сестренке Диане.

И думать, как достать двадцать миллионов рублей, чтобы вытащить старшего брата из тюрьмы. У меня из этих двадцати миллионов накоплено семь тысяч. Так себе накопления, конечно. Впрочем, Серый, мой парень, сказал что у него есть вариант, как достать деньги.

И сегодня мы об этом поговорим.

Я отогнала все мысли, и продолжила наслаждаться ванной. Вода остывает, и я подкрутила кран, прибавляя градус. А затем услышала сквозь шум воды, как залаял тойчик Леры, и быстро выключила воду.

Она не могла вернуться. Я точно знаю, что Лере сегодня нужно в офис, отвезти нужные бумаги, согласовать следующие дни, затем она сидит в кафетерии с коллегами, и только тогда возвращается домой. Наверное, это соседи на лестничной клетке шумят, вот пёсик и беспокоится.

– Р-ряв-ва-вав! – разошелся тойчик, и... дверь открылась.

Здесь. Кто-то вошел!

– Мой сладенький. Встречаешь меня, – пропела Лера. – А я не одна. Познакомься, это Руслан. Руслан, это мой Кексик.

– Очень приятно, я бы пожал руку, но как-нибудь потом. Давай займемся делом, – развязно заявил этот Руслан.

Голос низкий, чуть хрипловатый. Чувственный. И пугающий.

Я здесь голая, в чужой квартире, и... хмм, может они пойдут в спальню, и «займутся делом», а я быстренько выскочу вон? Конечно, обидно, что придется искать новую квартиру, чтобы расслабиться. К этой я привыкла, но привести все в порядок я здесь не успею. И Лера теперь будет закрывать окно. Может, даже сигнализацию поставит. А мне в тюрьму нельзя, кто за сестрой тогда присмотрит?!

Я, стараясь не шуметь, поднялась из воды, и вышла из ванны на коврик.

«Хоть бы меня не заметили! Хоть бы не заметили, ну пожалуйста!» – мысленно твердила я, но везение мое, кажется, закончилось.

– Когда ты говорила, что не одна, ты только собаку имела в виду? – услышала я мужской голос гораздо ближе, чем хотелось бы – примерно в двух шагах от двери в ванную.

– Да.

– Ты свет оставила? Выключить забыла?

– Я выключала.

– Влажно, свет включен, и я слышал шум воды. Отойди-ка, Лена, подальше, – скомандовал незнакомый мне мужлан, и я затаилась.

Придется, кажется, с боем пробиваться отсюда. Голой!

– Я не Лена, а Лера, – обиженно произнесла девушка, и... дверь резко открылась.

А я даже не успела вещи схватить, и встретила этого Руслана как была – голая, влажная, и испуганная. А когда увидела, кто передо мной, так и вовсе задохнулась.

От ненависти.

Руслан. Руслан Соколовский. Тот самый мужчина, в которого я, как полная идиотка, влюбилась в свои пятнадцать лет. Тот самый, кто с улыбкой заявил мне, что я малолетка.

Тот самый, кто посадил моего брата за преступление, которое он не совершал.

Я смотрю Руслану прямо в глаза, а вот Руслан смотрит гораздо ниже. На грудь, по которой сбегает капельки воды. На плоский живот, и ниже.

Я пискнула, схватила свою футболку, и прижала к бедрам, а грудь прикрыла рукой, и только тогда Руслан посмотрел на мое лицо. И вскинул подбородок.

– Котова? Ты?

Узнал. Впрочем, странно было бы, не узнай он меня. Слишком многое нас связывает еще со времени моей учебы в девятом классе.

– Привет, товарищ майор.

– Я не майор.

– Фигово служишь, раз до сих пор не майор, – усмехнулась я.

– Это кто? Ты кто такая? – заорала за спиной Руслана Лера.

«Так вот для кого ты презервативами закупились – для мужчины, который даже имя твое запомнить не может. Эх, Лера, а ты мне так нравилась!» – подумала я, одеваясь перед теми, кто даже не подумал отвернуться.

– ... я все проверю. Воровка. Тебя посадят, дрянь такая! – кричала Лера уже из спальни, и я слышала, как она выдвигает ящики из шкафов.

Взглянула на Руслана вопросительно, и спросила:

– Отпустишь, может?

– Размечталась. Поехали, – он мотнул головой, чтобы я вышла из душа. – В участок, Котова. Тебе не привыкать.

Глава 2

В участок. Опять. Будто я мало времени по этим участкам провела.

Как же я ненавижу этого человека! Есть фильм, кажется он называется «13 причин моей ненависти», сначала и у меня их было столько же к Руслану Соколовскому. И причины для ненависти были такие же дебилские: он старше, он меня отталкивает, постоянно поучает, зануда, выбирает женщин своего возраста, а не меня, он мент, и прочее-прочее-прочее...

А потом он посадил моего брата за то, чего тот не делал. И я видела, как ему за это заплатили.

Взяточник хренов! Оборотень в погонах!

Ненавижу!

Тойтерьер залиvisto залаял, отвлекая Руслана на свою скромную персону, и я попыталась юркнуть мимо него. У меня даже получилось! Из ванной я выскользнула, и бочком-бочком двинулась мимо вешалки... еще четыре-пять шагов, и будет дверь, а там уже можно будет смело послать Руслана Соколовского туда, где ему самое место.

– А ну стоять! – оскалился он, выбросил руку, и схватил меня. – Куда намылилась, Котова? Вместе поедem, довезу со всеми почестями.

– Себя довези. На катафалке! – выпалила я, пытаюсь вывернуться, но куда там.

Вымахал, блин. Мутант. Одной рукой меня держит, а я трепыхаюсь как недокормыш. Ух, и почему я не мужчина?! Ну почему?! Тогда все нормально было бы у нас. Я бы и маму к порядку призвала, и отчима бы выгнала, разогнала бы всю эту алкашню. Тогда и брат бы не попал за решетку, а у нас с сестренкой была бы приличная жизнь.

– Одежду поправь, и обувайся, – скомандовал.

– С одной рукой? Может, отпустишь?

– Ты же убежишь. А мне придется догонять. Я все равно догоню, конечно, но лень время тратить, так что тебе и одной руки хватит, чтобы сиськи в одежду заправить и обувь натянуть.

Он подвел меня к двери, и бросил мою обувку. Там, за этой бежевой дверью желанная свобода, только бы оттолкнуть Соколовского, и... и он прав. Поймает. Лучше сейчас быть послушной девочкой из разряда «обнять и плакать».

Я всхлипнула, поправила одежду, и наклонилась, чтобы обуться.

– Комедию не ломай мне тут! Я все твои художества помню, теперь еще и воровство. Дальше что? Панель?

– Не твое дело.

– Мое, если ты нарушаешь закон. А ты его нарушаешь с детских лет.

– Да не украла я ничего! – я выпрямилась, обутая и одетая как надо, только волосы влажные, и висят сосульками, с которых вода на спину течет. – Проверь, ну ничегошеньки я не взяла здесь. Что, за пару капель пены для ванны меня посадишь? – я снова попыталась выкрутиться, вывернуть руку из его захвата. – Говоришь что помнишь про мои «художества», тьфу, вот потому мы так и живем, что такие как ты не настоящими преступниками занимаются, а этим!

– Русланчик, я проверила все, девочка ничего не взяла. Правда, – встряла Лера. – Может, не успела, или не планировала меня обворовывать... да у меня и ценного ничего нет, только ноутбук. Отпусти её, пусть уходит.

– Дверь закрой, – бросил Руслан, и вытащил меня на лестничную клетку.

– Но... может тогда просто вызовешь полицейских за ней, а сам останешься? Руслан? – Лера подбежала к двери, а мы уже начали спускаться вниз.

– Руслан, ну правда, иди и трахни Лерочку, – пропела я. – Или она Леночка для тебя? Твое любимое имя?

– Умолкни!

– Ты вообще нормальный мужик-то? Пришел к бабе потрахаться, но так обрадовался мне, что нашел повод свалить. Понял, что мачта не поднимется, да? – продолжила я его доводить. – Оно и понятно: сидячий образ жизни, говорят, к импотенции приводит. Если бы меня в квартире Лерки не было, вот бы номер: она тебя в кровать тянет, тянет, тянет, а вытянуть не может. И потом картина маслом – она лежит на кровати, и утешает тебя. В общем, я тебя спасла!

Мы приближаемся к первому этажу, я жду, когда же Руслан взбесится... ну же, блин, я тебя импотентом назвала!

– Спасительница, – хохотнул он.

Черт!

– Или, постой-ка, – ахнула я, – ты меня голой увидел, и так впечатлился, что импотенция прошла? Сто процентов, не в участок ты меня хочешь отвезти, а в лес. Так зачем заморачиваться? Давай к Лерке вернемся, там, на кровати удобнее. Вдвоем, вдвоем...

– Рот закрой! – рявкнул Руслан.

Вот теперь он взбесился. Ура!

– ... хотя на двух девок тебя не хватит, прости, я погорячилась, – мы вышли из подъезда, рука начала болеть от той силы, с которой Соколовский её сжимает. – А со мной-то ты точно сможешь? А то бензин потратишь, в лес увезешь, а мачта твоя тютю, не поднимется. Может, коллегу позовешь какого-нибудь?

– Сейчас ты договоришься до того, что я правда увезу тебя в лес, и оттрахаю. И, поверь, с «мачтой» у меня никаких проблем нет.

– Поверить тебе на слово? Пфф, как-то ты уже говорил мне что не обидишь, – с неожиданной для самой себя горечью произнесла я.

– Ты всё про брата своего? – Руслан остановился у машины, мою руку он так и не отпустил. – Я должен был его не трогать, учитывая что у него полная сумка героина была? И тебя сейчас тоже должен отпустить, хотя ты в чужое жильё проникла... как, кстати? И зачем?

– Через окно. Помыться захотела, – я вскинула подбородок. – Ну и? Мне грозит пятнадцать суток, скорее всего, думаешь для меня они что-то изменят? Даже не так. Дадут пятнадцать суток, а продержат семь-восемь. И? Где воспитательный момент? Тебе заняться нечем? Отпусти меня, возвращайся, и трахни уже Лерку. Давно пора полить её розу, а то засохнет скоро. Мужика как не было, так и нет. Жалко мне её. Лучше такой козел как ты, чем вообще никакого. Отпусти, а я пообещаю, что больше к Лере не полезу.

– Мачта... полить розу... что за дебилские выражения?

– Чтобы дебилам было понятно! – ухмыльнулась я.

Хочу расцарапать его лицо. В кровь. Строит тут из себя... с полной сумкой наркоты взяли, угу, и не мог он отпустить, не мог не посадить. А сколько я просила! Ходила, унижалась, как полнейшая блаженная. Объясняла всё, и продолжала любить. Поверить не могу, что была влюблена вот в этого вот мудака. А потом увидела своими глазами, как он бабки берет за то, чтобы брата моего закрыли.

Сволочь!

– Люба, прекращай все это. Ты сама не видишь, что свою жизнь портишь? Я знаю какая у тебя семья, но тебе ведь не обязательно быть такой же... такой... дьявол, ты ведь сама говорила, что другой жизни хочешь! А ты в свою же мать превращаешься!

– Да пошел ты, – мне каким-то чудом удалось выкрутить свою руку из ослабевшего захвата Руслана.

Я развернулась, и побежала, что есть мочи. Бегать я умею, много раз доводилось, да и петлять по дворам я научилась так, что не догонит даже Руслан... наверное. Взобралась на

гараж, схватилась за забор, прыгнула на землю, и дальше, дальше, дальше, к родным ненавистным баракам.

Соколовского нет. Оторвалась. Или, может, он и не бежал за мной.

Воспитатель хренов! Думает что всё обо мне знает, да вот только он ошибается. Он не знает обо мне ничего! Это раньше я драму устраивала, и слёзки лила, как жизнь несправедлива. А потом поняла, что даже от такой жизни можно удовольствие получать.

Тем более, я знаю, что вырвусь. Выгрызу себе самое лучшее, когтями с мясом оторву своё.

Рано или поздно.

Глава 3

Домой я прибежала вспотевшая. Тьфу, будто и не мылась. На мокрые волосы налипла пыль, носилась я по дворам знатно. Как заяц петляла, боясь, что догонит. В наши хоромы вошла с опасением – а ну как Руслан уже здесь?! Но нет, мы не прописаны, и даже не зарегистрированы в этом бараке под снос, хоть в чем-то дурость моего отчима мне помогла.

Здесь меня Руслан Соколовский не достанет.

– Доча, ты уже вернулась, – встретила меня мама.

Уже пьяная, а ведь обычно вечером начинается, а не днем. Я прошла мимо нее и свернула на кухню. Фу! Дым, перегар, на столе газеты, на которых рыба и какая-то гадость, а еще банки со шпротами и водка. А за столом всякий сброд в наколках и невменяемая бабища.

– Чего морду кривишь опять? Давно не получала? – отчим бахнул по столу кулаком, и начал вставать. – Щас ремень достану, сопля!

Я закатила глаза, выпила чашку воды, и пошла в комнату. Отчим – алкаш, причем алкаш идейный, еще и отсидевший пару раз, но меня никогда не бил, боится. Я тоже много чего боялась раньше – что изобьет, что его дружки меня изнасилуют, а потом устала бояться. Решила, что если хоть кто-то полезет – прирежу, возьму грех на душу. И каждый раз именно это отчим и его собутыльники и видят в моих глазах. Я точно это знаю, отчим сам признался, что взгляд у меня бешеный. Потому и бояться я перестала.

В комнате я застала маму, заплетающую косички Диане.

– Люба, смотри. Мама мне пличёску делает, – пролепетала сестренка. – Давай мама и тебе сделает? Будем с одинаковыми ходить. Ну Люб?

– Не плическу, а прическу. Рррррр, – прорычала я, и поцеловала Дианку в лоб.

– Любаш, я могу котлеток нажарить. Хочешь, в комнату принесу тебе? – мама взглянула на меня заискивающе.

Я не могу с ней разговаривать. Она пьяна, и от этого всегда будет больно. От любви до ненависти, от ненависти до любви, и обратно... снова... и обратно – это про меня и маму. Сколько она обещала бросить пить, и я верила, а потом находила её пьяной, и так по бесконечному кругу. Любовь сменилась на ненависть – горячую, острую, заставляющую творить то, из-за чего Руслан Соколовский несколько лет назад выедал мне мозг нотациями. Сейчас эти два чувства сменяют друг друга.

Я не могу любить маму, которая привела в нашу жизнь алкаша и ээка. Я не могу любить спивающуюся маму, много раз позорившую меня перед кем только можно. И из-за Дианки я не могу её любить – она её в эту жизнь привела, но что это за жизнь такая?!

Но и ненавидеть в полную силу не получается. Смотрю, как мама Диане косы плетет, чувствую, как целует нас перед сном, и не могу. Вот и путаюсь в чувствах, и из-за этого говорить с ней не получается, когда пьяная – то ли обзову её по-всякому, то ли расплачусь. А потому – молчу.

– Люб, я рюмашку всего выпила, не злись. Запах есть, а опьянения нет. Ну так что, котлетки-то будешь? Или картошечки нажарю. Давай?

– Нет, спасибо, – выдавила я.

То ли заботится обо мне, то ли подлизывается, то ли на кухню не терпится вернуться, якобы котлеты жарить, а на самом деле присоединиться к гульбищу. В пятнадцать лет я бы так и выкрикнула маме в лицо, она бы расплакалась, и пошла пить. Сейчас... её выбор. За неё я билась как могла, теперь бьюсь за нас с Дианой.

– Идем в душ, принцесса, – я взяла за руку сестренку, повесив на плечо полотенца.

– А косички не намокнут?

– Голову вечером тебе помоем, не намокнут.

– Это хорошо, – вздохнула Диана.

Мы помылись, погуляли, и лишь вечером вернулись домой.

– Мне пора, – я вошла на кухню, где и застала маму – пьяную, но на ногах.

– Работа?

– Да. Мам, не напивайся сегодня сильно, прошу.

– Я не...

– Не напивайся, – с нажимом повторила я. – Чужих много, Диана на тебе. Этим уродам плевать – взрослая девка, или ребенок, ты ведь понимаешь? Завтра я выходная, и ты сможешь что угодно творить, но сегодня, пока весь этот сброд у нас – не пей больше.

– Я не буду, – мама опустила глаза.

Подошла к ней, и поцеловала в опухшую щеку.

Мой главный страх не за себя, я-то смогу себя защитить, а вот малышка... надеюсь, мама сдержит слово, закроется в нашей комнатухе и будет сидеть с Дианой. На работу я её взять не смогу, в ночном клубе шумно и таких же уродов хватает, что и у нас в бараке.

– Мам, ты поняла?

– Я не буду сегодня пить, клянусь тебе. Не будь такой жестокой, Люба, – скривила губы мама, будто собираясь заплакать.

Я торопливо развернулась, схватила сумку и вышла из нашей пятикомнатной коммуналки.

Не быть такой жестокой? Я бы хотела, но приходится. Когда я дома – тревожусь за брата, когда на работе – тревожусь за сестру, ночами снится что отчим прирезал маму в пьяной драке, и как тут не быть жестокой?!

Так, тьфу, хватит! Нужно подобрать нюни, смысла страдать – нет. Вместо этого буду продолжать бить копытом. Прорвусь!

– Привет, – я села в машину к Серёге.

Он тут же потянулся ко мне с поцелуем, от которого я увернулась.

– Фу, воняешь!

– Только покурил, – рассмеялся он.

– Вот и не тяни ко мне губы сейчас. Заводи, поехали уже, смена скоро.

Все же, хорошо что я Серого встретила. Бармен он хороший, меня научил мешать алкоголь, и в клуб устроил. А платят там отлично, только музыка орет так, что потом весь день звон в ушах. По этой причине Дианку я с собой и не таскаю. А еще потому что пьяных гораздо больше, чем у нас дома.

– Ты говорил что есть вариант, как мне деньги достать, – напомнила я.

– А ты меня неласково встретила, любимая. Так что не скажу.

– Серый, блин, не буду я тебя сейчас целовать, у тебя во рту пепельница. Говори уже!

– Тоже мне, девушка, табак ей мешает. Другие сосутся, и ничего, а ты выкаблучиваешься.

– Сереж, хватит. Это не шутки, мне двадцать миллионов нужно найти. Сумма нереальная. Ты сказал, что есть вариант, если не шутка – скажи уже, а если шутка – иди в задницу, – холодно произнесла я.

– Слушай, а почему двадцать миллионов-то? – зачем-то тянет время Серый. – Как они Лёху помогут вытащить? Ты что, хочешь организовать его побег? Наймешь людей подкупить, подкупишь охрану колонии, да?

– Нет. Эти деньги нужны на подкуп прокурора и судьи. Всё схвачено.

– Точно? Не кинут?

Друзья моего брата уверяют, что не кинут. Я в этом не уверена... я не уверена даже в том, что смогу достать эти деньги. Я же не блогер какой-нибудь, мне миллионы не платят за рекламу щеток для задницы, но если есть шанс вытащить брата, я должна это сделать. Обязана.

– Так что с деньгами? – снова спросила я.
– А почему ты так сильно хочешь Лёху вытащить?
– А ты так и будешь вместо ответов задавать вопросы? – раздраженно спросила я.
– А мне любопытно. Пока не ответишь – не скажу тебе ничего. Так что?
– Лёша – мой брат, и это естественно, что я хочу его вытащить из колонии.
– Этого мало, – ухмыльнулся Серый. – Ты прямо повернута на Лёхе, здесь есть что-то еще. Мне нужно ревновать? Может, брат не родной, а какой-нибудь сводный, и типа вообще не брат?

– Брат. Родной. Роднее не бывает.

– И?

– И в тюрьму он из-за меня попал, – призналась я. – Доволен?

– Вау! Так та наркота, с которой Лёху приняли – это твоих рук дело? Барыгой была, Любань?

Я сцепила ладони в замок, и отвернулась к окну. Я не барыгой была, а дурой. Полнейшей идиотинкой.

– Люб?

– Лёша работал много, хотел накопить денег и забрать нас с сестрой, чтобы вместе жили. Целыми днями впахивал, а я... ну, я подростком была, кто бы меня куда взял, – горько усмехнулась я. – Вот только мне очень хотелось брату помочь, и поскорее вырваться из всего этого.

– И потому решила наркоту разносить? Ты закладки делала, или что? Курьером была?

– У нас в школе паренек появился новенький. Это на четырнадцатое февраля случилось. Я сделала много валентинок, сидела на месте вахтерши и продавала их. Пусть и по мелочи, но зарабатывала я всегда. Он подошел, купил, мы разговорились, я и выложила что мне деньги нужны, и побольше. Меня реально совесть мучила, что Лёша по двадцать часов в сутки работает, а я всего лишь школьница. И этот парень предложил подработать. Он же тоже школьник, одет был хорошо, хотя тоже из семейки типа нашей. Взрослому я бы не поверила, заподозрила бы обман, а такому же как я почему не поверить?

– Что нужно было делать?

– На Весновский рынок приносить сумку с вещами. Всего лишь сумку, представляешь? Некоторые продавцы ведь на хозяев работают, и потому иногда своими товарами приторговывают, а не хозяйскими, дополнительный заработок. И вот, я всего лишь должна была иногда относить на рынок сумку с «товаром», за что мне будут давать неплохие деньги. Пять тысяч, – я с трудом удержалась, чтобы не сплунуть.

Ну как я могла быть такой идиоткой? Я ведь и правда поверила. Есть продавец, есть товар, за который он должен отчитаться перед хозяином, а есть дополнительный товар, прибыль от которого пойдет не владельцу, а самому продавцу. Мама ведь также в магазине приторговывала. Покупала всякие семечки, консервы и порошки напрямую у поставщика и толкала мимо кассы. Я еще и обрадовалась тогда – целых пять тысяч за то, что я сумку отнесу на рынок? Это же такие деньжищи, а работы всего на час.

– Товар, я так понимаю...

Серый не договорил, и я кивнула.

– Правильно понимаешь. Нет, в сумку я заглянула, чтобы убедиться что ничего там страшного нет. В ней сигаретные блоки лежали, обувь и книги. Я тогда вышла из дома с этой сумкой, и пошла на рынок. А Лёша в тот день вернулся днем с работы, на складе у них ЧП какое-то случилось, и грузчиков отпустили. Я шла, Лёша мне навстречу, и спросил, конечно, что это за сумку я тащу. Я рассказала, а он...

Брат тогда сразу понял, что к чему. Я это сейчас понимаю. Выругался, выхватил эту чертову сумку, открыл, и начал трясти меня – кто дал, где этот человек живет, давно ли я

этим занимаюсь. Я всё выложила. Лёша сказал мне возвращаться домой, и не высовываться, и пошел возвращать товар тому, кто мне его передал.

И его поймали. В блоках сигарет были вовсе не сигареты, а героин.

– Я тогда сдать хотела. Думала, что расскажу правду, и нас отпустят. Или меня накажут, а Лёшу выпустят, – против воли я шмыгнула носом, за что тут же разозлилась на себя. – С братом я выбила свиданку, сама не понимаю, как несовершеннолетнюю пустили к нему. Может, из-за того что я буквально истерики там устраивала... В общем, Лёша сказал мне, чтобы я не смела рот открывать. Его с поличным поймали, значит точно не отпустят, что бы я там ни говорила. Такой закон. А если я буду вякать, то на нас обратят внимание, и окажемся мы с Дианой в приютах, причем в разных.

Но я все равно пыталась рассказать всё Соколовскому. Его я знала. Думала, что поможет, а он только отмахнулся. А потом еще и взятку принял, чтобы поскорее брата закрыли.

– Понятно. Чувство вины, значит?

– А ты бы не чувствовал свою вину, если бы таким же идиотом как я был? Лёшке жизнь испортили из-за моей тупой идеи заработать, а я ведь знала что бесплатный сыр только в мышеловке. Не наивной девочкой была, я в этом всем росла. Только эти чертовы пять тысяч меня загипнотизировали, – я покачала головой, в который раз ужасаясь той девочке-подростку, которой я была. – Теперь появился вариант. Дело Лёши снова передают в суд, и если я найду двадцать лимонов, то его оправдывают, и отпускают. Найдут какие-то нарушения, недостаток улик, либо, на крайний случай, сократят срок. Главное – выпустят. Теперь ты, наконец, расскажешь мне, как я смогу достать деньги? Или врал мне, что есть такая возможность?

– Не врал. Люб, ты целка?

– Что? – закашлялась я.

– Девочка еще?

– Ты издеваешься?

– Короче, я – твой парень, и все такое, лирику опустим, что такое жизнь я и сам знаю. У меня есть приятель, брат которого богачам целок продает. Не в рабство, а... ну, слышала, что некоторые девственность свою продают? Кто-то через сайты, а кто-то через посредников. И брат моего приятеля – такой посредник. Клиенты проверенные, не извращенцы, бзик у них – целку пробить. Причем не силиконовую, которой все зашили под девочку, а им реальных целок подавай.

Я слушала, и своим ушам не верила. Это то, о чем я думаю?

– Сереж...

– Я не договорил. В общем так: у посредника есть клиенты, он показывает им твою фотку, и кто платит больше – тот тебя и того-самого. Медосмотр оплатят, как и одежду нормальную, процедуры у косметолога чтобы не с волосатыми ногами пришла на встречу. Платят до хрена, Люб. Можно не двадцать, а тридцать миллионов срубить, ты и брата вытащишь, и на жизнь нам хватит.

– Нам? – просипела я.

– А я пойму. Говорю же – реальную жизнь знаю, и за измену это не посчитаю, – продолжил Серый, и остановил машину на парковке у клуба. – Я потому и спрашивал тебя про Лёху, чтобы понять – блажь это, или нет. Тебе решать. Всё безопасно – ни болячек, ни последствий, ни извращений. Один клиент, одна ночь, дофига бабла. Устроить все можно быстро. Что думаешь?

Глава 4

Я привычно смешивала коктейли, и привычно не доливала. Все как всегда. Здесь дешево, никто не станет устраивать скандал и проверять по миллилитрам. Да и управляющая за мной следит, и если я вдруг начну работать честно, меня ждет выговор.

Слежу за Серым. Он напротив, сбоку от сцены на возвышении, и также как и я за барной стойкой. Сейчас передает что-то под салфеткой очередному отдыхающему. Наверное, дурь. Почти все здесь приторговывают. Но не я. В жизни с дурью не свяжусь даже чтобы брата вытащить.

Серый заметил мой взгляд, махнул рукой, напоминая о себе, и я переключилась на пьяную школоту, которая здесь тоже тусуется. Куда только их родители смотрят. Привычно мешала коктейли, наливала водку, даже порадовала грустную, явно брошенную девчонку мини-шоу с подкидыванием бокалов и бутылок. Налила ей коктейль с огоньком, та даже улыбнулась мне и на чай оставила.

Я работала, работала, работала. Уши, как обычно, онемели от громкой долбежки. Когда-нибудь мне работа в этом клубе аукнется глухотой.

– Девушка, давай доплачу, будэш дэсэртом, – услышала я очередной пьяный подкат.

От блондина, блин, с псевдоакцентом.

Ему я недолила больше чем остальным. Козел. Ну ничего, охранник рядом, меня уже отбивали пару раз, когда перепившее быдло хотело затащить меня в туалет, и сделать «дэсэртом». Ничего мне не грозит. Сейчас. А вот над предложением Серого стоит подумать.

Проституция – это фу. Хотя одноклассница моя бывшая, Света, работает и не парится. В Дубай вон летала сколько раз, говорит что с нормальными мужиками, и не на трассе же стоит. Не по мне все это, но и судить я не стану.

Соглашусь – мерзко будет, зато есть шанс вытащить брата. Взятка, затем новый суд и оправдание либо условно-досрочное. Совесть погрызет, но не до смерти же. И это только одно-разово, просто отдать девственность тому, кто готов за нее такие деньги заплатить. Это ведь не значит, что я стану проституткой.

Откажусь – останусь с девственностью, которую, по правде, не особо ценю. Смогу нос задирать, мол, против принципов не пошла, и... не прошу себе. Просто не прошу.

Значит, нужно согласиться?

Представила себя на кровати со стариком, и чуть не вырвало. Зажмурилась, и снова нарисовала себе эту картину: я на кровати, на мне мужчина, чужие руки на теле... теплые, они гладят, сжимают, я открываю глаза и вижу... Руслана. Твою мать! Нет! Лучше уж старик.

– Я соглашусь, куда я денусь, – буркнула я. – Только не распускать нюни!

Жалеть я себя не стану. Одну ночь уж потерплю, некоторые всю жизнь терпят с мудаками, и ничего. Зато брат домой вернется, и мы точно Дианку заберем, заживем как нормальные люди. Сестру никогда не должна эта грязь коснуться – переспать ли с кем-то за деньги, или не переспать, и потом себя за это ненавидеть.

Плевать.

В пять тридцать клуб закрылся, в шесть, когда мы прибрали за собой, мы с Серым вышли на улицу.

– Ну? – хрипло спросил он, и закурил.

– Я согласна.

Он кивнул, но скривился при этом.

– Я бы тоже так поступил. И Люб, я все понимаю, и попрекать тебя не стану.

– Еще бы ты меня попрекал. Ты мне это и предложил, – фыркнула я, и села в его машину.

– Я тебе помочь хочу.

– В тоге я сама себе помогу тем, что у меня между ног. Ну, хоть не зря ни с кем не переспала еще.

Серый закатил глаза, закинул в рот жвачку, и мы поехали. Зря я на него злюсь, он придурок, конечно, еще и дурь толкает, в чем я полностью уверена, но не злой. Просто он с того же дна, что и я. Примерно такие же родители, тоже есть отсидевшие родственники, та же нищета. Мы идеальная пара с Серым.

– Ладно, Сереж, спасибо. Неприятно все это, но я согласна. Только спасибо я тебе не от всей души говорю. Все же, гадость это, – призналась я. – Я не особо за невинность цеплялась, но... как-то даже мне о другом мечталось.

– О шампанском, лепестках роз и прочей хери?

– Типа того, – рассмеялась я.

И это, к сожалению, правда.

Но я умею безболезненно расставаться с иллюзиями, так что и это переживу, и ныть не стану.

– Слушай, ну раз такое дело, мы ведь можем с тобой трахнуться. Не-не, я помню про девственность, но есть и другие способы. Зато в первый раз будет с любимым, – Серый свернул к моему дому, и на миг повернулся ко мне.

– Придурок.

– Я серьезно.

– Я тоже серьезно: ты придурок. Предлагаешь мне сейчас романтично нагнуться, растегнуть твою ширинку, и удовлетворить тебя «другим способом»? А ничего не слипнется?

– Можно завтра вечером. И не так. Я бы квартиру на сутки снял нормальную, отожгли бы, и целку бы сохранила, и воспоминания остались, – буркнул он.

– Обойдусь.

– Ну как хочешь. Тогда потом все будет, когда ты со всем разберешься. Я твой телефон дам кому надо, ты его включенным держи, лады?

– Лады, – передразнила я. И, перед тем как выйти из машины обратилась к парню: – Сереж, заканчивай уже дурию приторговывать. Вдруг облава?

– Нас обычно предупреждают, когда рейды устраивают. Прикормленные люди везде есть. И управляющая товар забирает, так что мы чисты. Не бойсь, Любань.

– Дурак ты, – покачала я головой, поцеловала его, и вышла из машины.

– Вечером заеду, – напомнил Серый, закрыл окно, и отъехал от наших деревянных хором.

Всегда после смен домой я захожу со страхом. Алкоголизм – это болезнь, и я понимаю что все мои просьбы для мамы не пить хоть вечер и смотреть за сестрой, это бред. Она зависима, и может просто забить на обещание. А вся эта мразь, что у нас ошивается, вполне может забыть что Диана – маленькая девочка.

Я даже не дышу, пока ее не увижу. Вдыхаю воздух за дверью, и иду до нашей комнаты. Это ритуал. Если хватит воздуха, значит, все с малышкой нормально, и я найду ее на нашей с ней кровати за шкафом.

Вошла в комнату, отчим и какая-то бабища лежат на полу. Мама диване... пьяная. Спит, но я вижу – ни черта она слово не сдержала, и за сестрой не смотрела. Воздух заканчивается, я стараюсь не шуметь, и... я в ужасе. Что зайду за старый шкаф, обклеенный постерами, а кровать пустая.

Но нет. Я выдохнула, увидев Диану. Лежит тихо-тихо, а глаза открыты. Не спит.

– Привет, – улыбнулась она. – Я тебя ждала.

– А я тебе вот что принесла, – достала из сумки Киндер, Диана тут же села на кровати, и начала распаковывать его.

Помню, я сама в детстве их обожала, и даже коллекцию бегемотиков собрала. Интересно, где та коллекция теперь...

– Диан, тебя не обижали? Никто тебя... ну, никто тебя не трогал? – зашептала я.

– Нет, – она с наслаждением вдохнула аромат молочного шоколада – липкого, подтаявшего, но Дианка именно такой и любит. – Мама меня заперла в комнате, запретила выходить. Потом приходила, и в туалет меня сама отводила за руку. Она... Люб, она пьяная была, но мама просила тебе не говорить.

Я подмигнула сестре, мол, это наша тайна. От меня у сестренки секретов нет, а мама... зла не хватает – напиться, когда полный дом уголовников, любой из которых мог что угодно с Дианой сделать. Но все же проследила за ней, закрыла, и в туалет сама отвела. Значит, не совсем она пропащая.

Дианка протянула мне кусочек шоколада, я не стала отказываться, и съела его. Мелочь, но я люблю баловать сестру, хотя вроде и нужно каждую копейку откладывать. Но она ведь маленькая, Диане нужны впечатления, потому мы и на аттракционы ходим, где я денег не жалею, и на несчастном пони её катала, а потом фотографии покупала втридорога. Зимой на спектакль водила, где Дед Мороз ей подарок подарил – стандартный чемоданчик с конфетами, но сестренка счастлива была.

– Выспалась?

– Нет, они шумели. Сильно.

– Давай сейчас в душ, а потом спать, – предложила я, подняла сестренку с кровати, мы взяли сланцы, полотенца, и пошли мыться.

Терпеть не могу этот душ. Вот у Леры классно: чистая ванная, никаких тараканов, всякие губки, пемзы, пилочки, терочки, и прочее-прочее. В нашем душе лучше быстро намылиться, смыть с себя все, выйти и забыть что была в этом месте.

«Скоро мы снимем квартиру, и будем нормально жить. Скоро!» – пообещала я себе, промыла волосы Дианы, и ополоснула нас обеих.

На кровать мы легли вместе. Пахнет в комнате – атас, а скоро еще хуже будет. Перегар, рыба, и... капуста. Этот запах в стены вьелся, отвратительно. А нос у меня чувствительный.

Мы проснулись, я позанималась с сестренкой чтением, а потом мы пошли гулять. Дома есть невозможно, приятели отчима у нас, кажется, поселились, и смотрят странно. И на меня и, что больше всего пугает, на Диану. Потому мы предпочли уйти из дома.

– Куда идем мы с пяточком? – я дернула ее за хвостик.

– Большой-большой секрет, – подпрыгнула Диана, запнулась, шлепнулась, и выдала: – Бл*..

Я хлопнула глазами. К сожалению, она сказала не слово «блин». Ну да, у нас дома чего только не наслушаешься, отчим вообще по-русски не разговаривает, только по матерному. Я и сама могу сказануть, но не при Диане, и ей запрещаю.

– Диан, ты же помнишь, что плохие слова нельзя говорить? По крайней мере, до восемнадцати лет, ладно? – я присела перед ней, и начала осматривать коленку – не расшиблась, слава Богу.

– Помню. Прости, – смутилась она.

– Диан, это всего лишь слова. Но слова тоже бывают грязными. И то, что ты дома слышишь... ты же видишь, что это за люди говорят такие слова? Не повторяй за ними. Я тебя не ругаю, и все понимаю, но если хочешь ругаться, то говори уж лучше «блин» и «дурак». Если прям совсем немогуту. Договорились? – я погладила ее по мягким волосам.

– Я поняла. Прости, Люб, я больше не буду.

Еще и носом шмыгнула.

Отчим – сволочь, дети ведь как губки все впитывают, а он целыми днями бухает и матерится. Диана все это видит. До сих пор помню, как я домой пришла, а мелкая в слезах. Наслу-

шалась, повторила за взрослыми, а этот скот ребенка вздумал ремнем наказывать за то, чему сам же и научил.

– Идем на набережную. Давай сначала в магазин зайдём, купим творожок, бананы, а на набережной мороженку, – предложила я.

Диана, конечно же, согласилась.

Красивая она у меня. Куколка. Мать, хоть и опустилась, но одежду Дианы содержит в порядке, мы дешевое самое покупаем, абсолютно некрасивое, а мама умудряется из жуткой шмотки сделать воздушную красоту. Своей одеждой я запрещаю ей заниматься, а вот Дианкиной – нет. И сестра как принцесса выглядит, хотя я помню что вот это платье, что сейчас на ней надето, я купила за двести пятьдесят рублей всего, и выглядело оно жутковато. А сейчас на нас даже оборачиваются, и улыбаются.

Мы перекусили, погуляли, я купила Диане еду на вечер, и мы пошли домой. Скоро смена. Мне все тревожнее. Если собутыльники не свалили, то как мне Дианку оставить дома? Это вчера мама, хоть и пила, но следила за ней, а вдруг сегодня не будет? Но и прогулять, даже по болезни, не вариант, это сразу увольнение.

Дома очередное застолье. Алкашей даже больше собралось. Вонючка на всю квартиру, и на кухне срывающийся голос мамы слышен. Пьют. Приплыли.

На работу не пойду – уволят, еще и ни копейки не заплатят. Пойду – беда может случиться. С собой Диану брать? Может, в машине ее оставить? Пусть у Сережи на заднем сидении поспит, но... черт, ночь ведь, а Диана маленькая. Испугается. Да и мало ли что. В клубе такая же пьянь, еще и шумно, а детям нужно спать, у Дианы и так график ужасный, ночами спать мешают.

И ведь на ночь никому не подкинуть ее. Вокруг такие же живут, как и мы.

Я собиралась, Диана рассматривала картинки в книжке, и читала. Время выходить, уже ночь, а я все еще не решила, что делать. Может, пойти маму по щекам отхлестать, и под холодный душ ее засунуть?

Все решил забулдыга, ввалившийся в нашу спальню.

– К-конфетка. Иди сюда, крошка, – пьяно причмокнул урод, и пошел на меня.

Пошатываясь, пошел, и тут же упал.

Тьфу, гадость.

– Диан, на работе со мной побудешь. Там шумно, противно, но... так надо, – я торопливо достала с полки вакуумную упаковку с берушами – вставлю их сестренки в уши, может ей так легче будет. И со мной побудет, ее за барной стойкой и не видно будет.

Черт! Алкоголь, клуб, и девочка, которая даже в школу еще не ходит. Но лучше там со мной, чем здесь с этими упырями. А Дианка и рада, даже в ладоши захлопала – давно со мной просилась, глупенькая, в этот филиал ада.

– Я буду хорошо себя вести, обещаю!

– Ты не будешь отходить от меня ни на шаг. И постоянно держать меня за ногу. Постоянно, Диана, – присела я перед ней, подняла ее, и мы перешагнули через тело алкаша.

Пусть валяется.

На кухне ругань. Значит, передерутся, но даже если поубивают друг друга – полиция сюда не приедет, только если пожар устроят, тогда внимание обратят. А мне... мне уже плевать. Злая я стала, наверное и не заплачу, если что-то случится.

Есть брат, есть Диана, и есть я.

Проверила телефон – звонков нет, а вот сообщение я пропустила.

«Завтра в 11.00 на Красной сто двенадцать. Клиника «Мед-профи», с паспортом. Если есть, полис тоже захватите. Все анализы оплачены»

Настроение тут же испортилось.

Ну да ладно, решение-то принято. Плевать. Что там еще Серый говорил? Одежду купят на эту «ночь любви», покрасят, эпиляцию сделают? Потерплю. Что угодно потерплю, лишь бы больше не слушать эти пьяные вопли и не жить в одной комнате с забулдыгами.

Мы вышли раньше времени. Серый еще не подъехал, зато... зато приехал другой.

Напротив барака стоит дорогой внедорожник, а рядом с ним – Руслан. И ждет он явно меня.

Глава 5

РУСЛАН

Нахер я приехал к этой развалюхе – не знаю. Может, жаль стало дуреху...

Вышла вот. Стоит, смотрит на меня. Одета так, будто блядовать собралась – черный топ до пупка и шорты. Терпеть не могу на девках шорты, лучше платья, юбки. Но Любе идет. И она точно не шляться пошла, девчонку за ручку держит мелкую. Такую же светленькую, только кудрявую. И разодета мелочь как принцесса, что не вяжется с бараком, из которого обе вышли.

– Ты ко мне? – Люба подошла, и спросила, нагло глядя на меня.

– К тебе.

– Арестовывать будешь?

– Пока не решил.

– Ну ты уж реши как-нибудь эту сложную задачу. Как узнал, кстати, где я живу? Прописана я не здесь, регистрации тоже нет. Нарушаю законы как могу.

Вот ведь зараза. Поза наглая, взгляд наглый, я буквально мысли ее могу прочитать по лицу – шел бы ты, дядя, туда, откуда тебя мама выродила на этот свет. Только эта может и не иносказательно сказануть, а так, как чувствует – русским великим и могучим.

– Что молчим? – прищелкнула она пальцами рядом с моим лицом.

Ладонку ее я поймал быстро, убрать не успела. И сжал. Жалея ее, но сильно, чтобы не тянула свои руки куда не надо.

– Методы есть разные. Найти человека при желании можно, а ты не особо пряталась.

– До этого дня мне это было не нужно. Не думала, что у меня появится такой настойчивый поклонник.

Дать бы ей... по заднице.

– Дядя, а как вас зовут? – пролепетала малявка. Голосок такой писклявый, что я еле разобрал.

– Дядю не зовут. Дядя сам приходит, – фыркнула Люба.

– Прекрати. Меня зовут Руслан, а тебя? – присел перед малышкой.

Та задрала голову, дернула вредную, как я понимаю, сестру за руку, и спросила:

– Можно?

Та кивнула.

– Я Диана, – девочка улыбнулась мне во весь рот, в котором не хватает парочки зубов. Еще и руку протянула. А я и пожал. Думал, липкая ладонь будет, но нет, мягкая, только очень маленькая.

Перевел взгляд на Любу. Похожи. Даже очень. Только старшая стервозиной выросла. Впрочем, узнал я, что у нее за семейка, и хорошо что вообще выросла. Была бы мямлей и цветочком, не светила бы передо мной здоровой мордашкой и аппетитными булками. Либо беременной была бы от алкаша, либо сама бы спилась или скололась от веселой жизни.

– А меня Люба на работу взяла с собой, – похвасталась пискля. – На всю ночь.

– И куда же?

– На криминальную сходку, – бросила Люба. – Приятно оставаться. За мной приехали.

Думал соврала, но нет. В замусоренный двор украшенный уродливыми клумбами в шинах заехала... нет, не машина, а тачка. А за рулем какое-то чмо. Может и смазливое, хер знает, я парней оценивать не могу, но ясно понимаю – чмо. И Люба с девчонкой направилась к нему.

Ну уж нет. Хрен тебе. Что, зря я приехал?

Схватил ее за руку, и потащил к своей машине.

- Эй! – высунулось из машины чмо. – Слышь, телку мою отпусти. Щас битку достану.
- Щас ствол достану. Полиция, – рывкнул я.
- Сереж, на работе увидимся, – выкрикнула Люба.

Больше не упирается. Даже девчонку усадила на заднее сидение, и пристегнула. А я без понятия – такую малышню можно вообще без специальных кресел перевозить, или нет? Вроде проходили еще в универе, и в автошколе всю эту лабуду, но своих детей у меня нет и не предвидится, так что все из головы и вылетело.

- Мне не до шуток, Руслан Вадимович. На работу пора. В клуб. Бармен я.
- И ребенка тащишь с собой, бармен?

– Я за Дианой хоть присмотрю, дома точно не оставляю. Должна была отдыхать сегодня, но график поменяли, – зачем-то пояснила она. – Раз уж затолкал меня сюда, то вези по адресу.

Она продиктовала адрес, я завел машину, и поехал. Тупость. Молчу, не знаю, что сказать, и до сих пор не понимаю, чего вообще пробивал Любу, и приперся к ней. Наверное, и правда жаль дуру. Совсем юная еще, и уже по кривой дорожке пошла, судя по шмотью и поведению.

Сколько Любе было, когда я впервые увидел её? Четырнадцать, кажется. Я уже не был младшим следователем, но разнарядка от начальства потребовала выполнить дебильную работу, и посетить школу. Ходил из класса в класс, и рассказывал про законы, про тюрьмы, про наркотики. Воспитание молодежи вроде как. В одном из классов сидела дочь соседей – тихая девочка Таня, с рядом с ней – оторва Люба. Я не извращенец, но на неё тогда залип почему-то. Без подтекста, просто смотрел, и все. Как и она. Почти не мигая на меня весь урок смотрела, до сих пор помню.

А потом я встретился с ней уже в лифте своего же дома – в гости к Тане пришла. Часто стала приходить. Врубали музыку, от чего мне хотелось войти в чужую квартиру, и придушить обеих, но больше – Любу. Таня-то тихая была, во двор выходила только в школу, и чтобы мусор выбросить, а тут разошлась под влиянием подружки. Но не пили и не курили точно, хер знает зачем, но я проверял. Слышал, когда хлопала соседская дверь, ловил мелкую заразу, и принимался.

Затем начался трэш. Глобальный. Побитые окна, сомнительные компании, и Любу из раза в раз приводили именно в наш участок. Сидела у меня в кабинете, смотрела на меня как в первый день, и ждала, пока старший брат вернется с работы, и заберет ее.

А дальше... дальше я напился, и чуть не совершил ошибку. С малолеткой, мать ее. Ей уже не четырнадцать было, возраста согласия достигла, но и не восемнадцать ей было. Не восемнадцать! Хорошо хоть хватило мозгов оттолкнуть, выставить Любу. И больше не приближаться.

До этого дня.

Только больше она на меня не смотрит. В последний раз, не считая вчерашнего, когда мы разговаривали? Точно помню, как она прибежала ко мне просить за барыгу-брата. А до этого... до этого у меня дома. Я бы пьян, она была в голубом платье... школьницей была еще.

Встряхнул головой, взглянул на Любу. Та сидит, ногти рассматривает свои, будто в такси села. Коза.

– Могу с работой помочь. С нормальной работой, – с нажимом повторил. – Комнату получишь отдельную.

– Работа твоей домработницей? – спросила лениво, и даже не взглянула в мою сторону. – Спасибо, но нет.

– У меня нет домработницы. Могу с работой помочь, в общем. И с учебой. Знаю, ты в универе не учишься, а надо бы. Есть целевые места, я могу постараться, выбить для тебя, и осенью на первый курс. ЕГЭ ты отлично сдала.

– Ты и это проверил? Батюшки, как бы занудой, таким и остался.

– Я бы сказал, какая ты, но при ребенке не хочу выражаться, – рыкнул на её закатывание глазок, хотя надо бы выдохнуть, Люба никогда не притворялась леди, да и возраст у нее пога-

ный, как и окружение. – Башкой подумай блондинистой. Хочешь в вонючем клубе работать, пока не выпрут, а потом куда? В магазин на кассу?

– Нет плохой работы.

– Есть плохая работа. В борделе, – понизил голос, чтобы малявка не услышала.

Наверное, именно этого я и боюсь. Что скатится эта бестолочь. Красивая ведь, охренительно красивая, я бы сказал. Может, сейчас по любви с кем-то трахается, но от безденежья может начать и за деньги. А потом эти деньги будет с горя на выпивку и наркоту тратить. За свою работу я много таких повидал, слишком много. Поначалу всё это давило на меня, помочь пытался, затем как и все зачерствел. А тут Люба.

– Спасибо, но нет, – отрезала она.

– Ты нормальная? Я тебе не говно на блюде предлагаю, а помощь. Обычную, человеческую помощь. Не знаешь, на кого учиться, так в нормальном месте работай, и живи – я помогу. Просто так. Чтобы ты больше в чужие дома не влазила. Знаешь, можно не на девку нарваться, а на мужика, который только обрадуется голой девушке в своем душе, и использует по назначению так, что потом тебя не найдут, – вспылил я, объясняя очевидное. – Можно помощником повара пойти, администратором... да много вариантов есть. С проживанием в общежитии. Если знаешь, кем хочешь быть, то помогу на учебу устроиться, место тоже в общежитии будет, стипендия. И будущее появится, и настоящее – такое, какое должно быть у девушки твоего возраста.

Сам не понимаю, какого хрена меня так клинит. Увидел вчера, и как с цепи сорвался. Даже к Лене, то есть к Лере не вернулся, а ведь трубы горят. Месяц бабы не было, трахался только со своей работой, и пора бы уже сбросить напряжение. Но поехал я в участок, в свой гребаный выходной, чтобы про эту дуреху выяснить все. Благо, в этом бараке четыре месяца назад мокруха была, и данные жильцов зафиксировали. А то не нашел бы Любу, она и правда без регистрации и без прописки.

И без мозгов, кажется. Наконец-то взглянула на меня, и я уже знаю, что нафиг ей не сдалась моя помощь.

– Нет.

– Почему? – рыкнул я. – Из-за тупой гордости? Дело в твоём брате? Я уже объяснял, что не в моих правилах отпускать барыгу только потому что ты попросила. Не будь идиоткой, дело твоего будущего касается.

– Я просто не хочу помогать тебе облегчать совесть, Руслан. Ты ведь именно это и хочешь сделать – свою вину уменьшить, да? Потому помощь мне предлагаешь? Вот только знаешь что? Не нужна она мне. Я не пропаду, уж поверь. И жить буду как человек, и работа будет крутая, и бабки. Все у меня будет. Без тебя, – спокойно произнесла она.

Я резко тормознул у убогого клуба, Люба кивнула мне, и вышла из машины. А затем и сестренку свою вывела. И направилась к служебному входу, даже не обернувшись.

Девочки из таких семей часто отказываются от помощи. Проблемные. По опыту знаю, что если не хотят, то не уговорить их, только трата времени все это. Помочь можно тому, кто готов эту помощь принять. Люба не готова. Это повод забыть о ней навсегда, нахер она вообще мне сдалась? Хочет гробить себя, так пусть, я-то кто такой, чтобы ей мешать?

– Нахер иди, Котова, – выплюнул, и вырулил с парковки.

Проехал километр, выругался, развернулся, и поехал обратно к клубу.

Глава 6

Здесь есть подсобки и служебные помещения, но Диану я побоялась оставить. Из меня бы вышел жуткий родитель – притащила ребенка в клуб, где против всех нормативов музыка даже не орет, а долбит и ломает перепонки. Но не могу её от себя отпустить.

– Из ушек не вынимай, – показала Диане беруши. – Тебе все будет слышно, но чуть меньше. Курточка чистая, на ней можешь сидеть, можешь даже прилечь. В туалет отведу, как захочешь. Потерпи одну ночь, малыш, а дальше я что-нибудь придумаю. И будь на виду, желательно пока не заснешь... если заснешь, держи меня за ногу. Умоляю, не убегай. Задавят в толпе.

– Ты чего, Люб? Здесь кру-у-уто, – восхищенно, с горящими глазами пролепетала Диана.

Вероятно, спать ребенок не будет, слишком много впечатлений. А меня совесть гложет. Была бы я из опеки, и увидела бы такую мелочь в клубе, где за барной стойкой подстелено несколько курток – место для ребенка – отобрала бы дитё точно. Как собаке постелила, блин. Но выбора нет. Нужно чтобы Ди была рядом – опустила глаза, и вот она. А то ускачет любопытничать, и какая-то пьяная сволочь её не заметит, и пнет, очень уж она мелкая, мне до пояса даже не дотягивает.

– И чо это было? – проорал знакомый голос.

Я спокойно поправила беруши в ушах сестренки, и выпрямилась.

– Чо? – передразнила я Серого.

– Чо за мужик? Трахаля нашла?

– Ты мне сам трахаля нашел, стесняюсь напомнить. А это... так, прошлое, в голову не бери.

– Ты охренела? Я как баран приперся чтобы тебя подвезти, а ты покруче кого-то нашла? Не думал, что ты такая!

Серый выплюнул несколько ругательств, отвернулся и пошел к своему бару. Обиженка. Будто я собираюсь сейчас за ним бежать, и кричать, что все не так. Да сейчас, бегу, волосы назад, угу. Сам-то бодренько из двора свинтил, едва услышал, что Руслан мент, а сейчас мне претензии кидает.

Пошел он. Принц, блин.

Я протираю стаканы, морально готовясь к сложной смене. Народ уже в клубе, пока разогреваются, основной поток бухающих обычно с полуночи. Есть время подумать.

Двадцать миллионов за невинность. А может и тридцать. Неужели я столько стою?

Посмотрела в мозаичное зеркало, которым отделана панель бара, и усмехнулась. Ну да, красивая я, это я осознала лет в двенадцать. Но за что тут миллионы платить? Я же не последняя девственница на Земле. Неужели людям бабки некуда деть? Ну захотелось целку, так ведь можно выбрать ту, которая и манерам обучена, и в теории подкована. Я-то знаю, конечно, что такое член, и куда его суют, и даже сам секс видела. И не в порно, к сожалению, а в родном бараке. Жуткая мерзость, к слову, после этого даже порно желания смотреть не было, развидеть бы то, что довелось узреть, тьфу.

Но блин, двадцать миллионов... если я этого стою, то супер. Даже если больше не дадут, мне главное не ништяки, а Лёшу вытащить, а там мы уж справимся вместе.

Соколовский работу предложил, или учебу. Помощь. Дурак. Я бы почти в любой ВУЗ смогла поступить с моими результатами ЕГЭ, вот только какая к черту учеба, когда на мне сестра?! А так бы я уже давно плюнула на все, пошла бы учиться, жила бы в общежитии на стипендию, и подработку нашла, как обычные студенты. Ей Богу, чуть в лицо ему не расхохоталась – ага, забуду про брата, брошу сестру, и учиться пойду. Или воспользуюсь его помощью, и

устроюсь на «нормальную» работу с жильем, куда постараюсь забрать Диану, которую у меня заберет опека, просечет что маленький ребенок живет в жутких условиях, и отнимут малышку.

Нет уж. Эта помощь, если бы я сошла с ума и решила ее принять, мне бы боком вышла. Помогальщик, мать его. Ясно же что вину пытается загладить. Даже если бы Дианка на мне не была, помощь Соколовского я бы не приняла. Надеюсь, вообще его больше не увижу.

А ведь любила. Помню, как впервые увидела его. Влипла сразу, аж дух вышибло. Он стоял, рассказывал нам что-то про антиалкогольную кампанию или еще какую-то муть, а я задыхалась. А ведь до него я только на сверстников смотрела, мне даже одиннадцатиклассники казались стариками, а если старше двадцати лет – это уже древность, дяди и тёти. Вообще в ту сторону не смотрела, я была девочкой и меня мальчики привлекали. А тут взрослый Руслан Соколовский.

Высокий. Щетина была. И взгляд злой, раздраженный и усталый, будто не спал дня три. Вообще не моего поля ягода – взрослый мужик. Но как же я тогда пропала, Боже ты мой! Таня что-то вещала про то, что это ее сосед, и я поняла – этот шанс я не упущу. К ней домой как на работу ходила, конкретно преследовала Руслана.

И почти добила своего. На это годы ушли – чтобы оказаться в его квартире. И он целовал, гладил мое лицо, и так смотрел... я до сих пор и взгляд тот пьяный помню, и вкус его поцелуя. Он первым для меня стал. А еще я помню, как он грубо оттолкнул меня, выставил из квартиры, как какую-то блохастую шавку.

– Гори в аду, – прошипела я, и мило улыбнулась прыщавому пареньку, возжелавшему ром с колой.

– Что?

– Картой или наличкой расплачиваться будете? – спросила, и увидела в руках парня карту.

Минут тридцать прошло. Диане наскучило смотреть на потолок с лазерными лучами. Сидит на курточке, бедолага, и совесть мою грызет в очередной раз. Нужно придумать что-то, найти ей няньку. Вот только как и где? В сад ее отдать возможности нет, не понимаю как законодательство это допустило, но ребенок живет без прописки. И никто нас не проверяет как неблагонадежных. В сад не возьмут. Няню в наш барак не пригласить, только если какую-нибудь соседскую выпивоху за пару бутылок пива, только какая же это няня получится?! Да и не доверяю я никому. Думала над частным садиком, где можно и без документов, но... страшно. Я тот еще параноик. Хочу уберечь сестру от всего, и в итоге вот притащила в клуб. Офигенно, блин. Сестра года.

Я разливала выпивку, как вдруг включилась противопожарка. Это условный сигнал. Сначала я заметила, как Серый спрятался под стойку, а затем услышала громкое, перекрывающее музыку:

– Всем оставаться на местах!

Блин, космонавты. То есть, ОМОН, но выглядят они реально как космонавты в этих костюмах. Рейд! Это же рейд! Наркоты у меня нет, зато есть ребенок. Да и стопудово меня заметут, пусть и на ночь, но тут к гадалке не ходи – быть мне через пять минут в автозаке.

Наклонилась к Диане. Мозг лихорадочно работает – нужно поднять ее, бежать в мужской туалет, из него можно выбраться на улицу, пусть окно и высоко. Узкое, но пролезем, и свалим. Только вряд ли я успею.

Черт, черт, черт...

– Документы, живо. И лучше по-хорошему показывай, где товар спрятан, – на стойку легла ручища одного из космонавтов, а еще один перекрывает мне выход из бара. И, абсолютно точно, видит Диану.

– Товар?

– Наркота. Где? Найдем точно, но лучше по-хорошему показать, а то мы – дяди злые, когда нас заставляют искать то, что можно показать добровольно и смягчить себе вину. Усекла? – рывкнул мужик.

Лиц я их не вижу. Музыку вырубili. Всюду слышны вскрики, возмущенные и испуганные голоса, а среди них – уверенные мужские, отдающие грубые приказы.

– Нет наркоты.

– Значит, будем по-плохому. А что у нас здесь еще? Ребенок? Живой?

Я снова опустилась за Дианой, на удивление она начала засыпать, и даже интереса не проявила к такому интересному явлению, как рейд. Прижала ее к себе. Не отдам! Но... что же я за дура-то? Ну почему у меня вечно все через жопу? Или это Руслан так на меня действует, как черная метка?

– Она со мной, – из-за спины ОМОНовца показался Руслан.

– С тобой? А ты...

– Вот, – Руслан ткнул корочкой в лицо космонавта. – Я из шестнадцатого. Это моя девочка. Обе мои, – Рус бросил на нас с Дианой странный взгляд. – Тихо заберу их, потом сочтемся, договорились?

Космонавты не ответили. Просто сделали вид, что меня здесь нет. Растерянность слетела, рот открывать и тупить я не стала, выскочила из-за барной стойки с Дианой на руках, не забыв и сумку прихватить, и быстро пошла за Русланом.

Сегодня точно работа отменяется.

Миновали убогую, не работающую летом гардеробную, и вышли на улицу. Ну точно – два автозака стоят, загребли бы, как сотрудницу, и промурыжили. Еще бы и Дианку отняли, и точно отправили бы в приемник, а затем и в приют.

Если бы не Руслан.

– Спасибо, – тихо поблагодарила, и увидела, как Серого выводят из клуба.

А я говорила, чтобы бросал дурь толкать. Хотя, может, он успел спрятать всё.

– Спасибо, – громче произнесла я.

– Я слышал. Пошли.

А куда пошли-то? Сейчас уж точно домой нужно. Серый не подвезет, но такси я могу вызвать. Застыла с заснувшей Дианой на руках, Руслан сделал три шага, резко остановился, развернулся и двинулся ко мне. Лицо у него... страшно смотреть, выражение – жуть. Отступила, но Руслан оказался проворнее, и ловко отнял у меня Диану, при этом даже не разбудив.

– Когда я говорю идти со мной – ты идешь. Андерстенд? – грубо процедил Соколовский, снова развернулся, и пошел, как я понимаю, к машине.

А мне ничего не осталось, кроме как пойти за ним.

Села рядом со спящей Дианой на заднее сиденье, устроила малышку поудобнее, и только когда машина тронулась, я расслабилась. Пронесло. Боже, спасибо, что в очередной раз уберег бедовую Любу! Как разбогатею – отблагодарю, а пока, уж прости, но только мысленно. Зато горячо. Спасибо, Боже!

– Что ты там шепчешь? – раздраженно бросил Руслан.

Не говорить же, что молитву.

– Отвези нас, пожалуйста, домой. И еще раз спасибо, что помог мне сегодня.

Снова нет ответа. И Руслан пропустил поворот. Он точно не в барак нас везет. Это не ошибка, в дороге он точно не запутался.

– Куда мы едем?

– Домой. Ко мне, – соизволил он ответить.

– Спорить бесполезно?

– Абсолютно точно, Котова. Не спорь. Лучше молчи, и не беси меня.

Если бы я так не испугалась, точно бы съязвила что-то в ответ. Но сейчас сил на препирательства нет, потому я последовала совету Руслана, откинула голову, и начала следить за дорогой. Смотрела за окно, пока Руслан не остановил машину у знакомого дома, где я бывала множество раз.

И где сегодня побываю снова.

Глава 7

Сижу за столом, вожу по его поверхности пальчиком. И так уже минут пять.

Дианка спит, бедолага. Помню себя такой мелкой, мама тогда еще следила за моим графиком, и укладывала в кровать. Твердила, что детям нужен здоровый непрерывный сон. А у Дианы сон – так себе. Ночами шумят наши «гости», и не дают ребенку отдыхать, днем она спит, потом мы гуляем. Хоть эту ночь Ди в нормальной кровати проведет.

– Может, скажешь уже хоть что-то? Пей, – Руслан подвинул мне стакан, и усмехнулся. – Это какао.

– Мне бы виски.

– Ты еще и бухаешь?

– Разумеется, – подмигнула я.

На самом деле – нет. На восемнадцатилетие взгрустнулось, и тогда я в первый раз в жизни напилась банальной водки. Напилась так, что в зеркале не себя, а маму увидела, и испугалась. А вот какао я люблю. Вот только Руслана терпеть не могу, так и хочется ему нахамить.

А нельзя. За эту ночь я ему благодарна.

– Спасибо.

– Ты уже благодарила, – отмахнулся.

– Я хочу, чтобы ты понял. Ты ведь знаешь, какая у меня семья... знаешь, да, – кивнула я. – Если бы нас замели, меня бы выпустили утром или днем. Наркоты у меня нет, я чиста. А вот то, что со мной ребенок был – это плохо. Дианой бы заинтересовались, и в итоге ее бы отняли. А я, все же, понимаю, что лучше такие условия как у нас дома, чем приют, где одни чужие. Мне Диану бы не позволили удочерить. Вот за это спасибо, Руслан.

– Пожалуйста, – после небольшой паузы ответил он. – А ты, оказывается, умеешь мыслить по-взрослому. Не ожидал.

Начинается, блин.

– А ты, оказывается, привел меня в свою святую обитель, – обвела глазами кухню, и усмехнулась. – Не ожидала.

– Ты уже была здесь.

– Один раз. Я помню.

– Я тоже помню, – поморщился Руслан.

Снова злость накрыла. Больше двух лет прошло с того дня, как мы столкнулись с ним на лестничной клетке. Я к Тане-то ходила только потому что она – соседка Руслана. Таскалась за ним, как идиотка. И встретила.

Он был пьян. Смотрел на меня, не отрываясь, и я подошла. Бормотала что-то глупое, вроде как нужно его поддержать, чтобы не упал. Обняла тогда его в первый раз в жизни. Помню, что даже запах алкоголя меня не оттолкнул. Его шея так вкусно пахнула, и я нюхала, нюхала, нюхала...

А потом мы оказались в его квартире. В этой самой, где я сейчас сижу.

– Скажи-ка, товарищ майор, может у тебя какая-то сексуальная травма? От Леры сбежал, вместо того чтобы потрахаться. Сейчас снова не с бабой, а со мной. Давно у тебя это? Ты и тогда меня трахнуть не смог. Неужели уже почти три года у тебя... на полшестого? – я свесила пальчик.

Почти в открытую импотентом назвала. Но, черт возьми, до сих пор обидно. Целовал меня так жарко, руками ласкал мое тело, а потом тупо выгнал. Я ведь хотела ему принадлежать. Чтобы Руслан первым стал, и единственным. А он прогнал.

– Интересует на полшестого у меня, или нет? Люба, – Рус открыл бутылку виски, – лучше никогда не говори таких слов мужчине. Даже задроту. Любому мужчине, поняла? А то, чтобы доказать, что все стоит как надо, тебя же и поимеют. Жестко. Ты этого сейчас от меня хочешь? Хотя... постой-ка, ты ведь сама не знаешь, чего хочешь.

– Я четко знаю, чего хочу. Только тебе не скажу. И насчет поиметь... пфф, – в открытую усмехнулась, – многие пытались, вот только я-то посильнее практически любого мужика. И говорить буду то, что хочу.

– Сильнее? Ты? – он резко обхватил меня за локоть, а выражение лица такое насмешливое при этом. – Будь я обидчивым, я бы сделал так, – Руслан сжал мою руку, и дернул меня на себя. – Видишь, тебе больно, потому тебе пришлось встать, и подойти ко мне.

– Ты мне руку оторвешь!

– Что бы еще сделал обидчивый мужчина, желающий доказать наглой девке, что не импотент? Точно, – Руслан встал, развернул меня, и я вскрикнула от испуга. А он зажал мой рот своей ладонью, подтолкнул к столу, и нагнул меня над ним.

И ни пошевелиться, ни пнуть. Держит крепко, я могу только брыкаться, с ужасом понимая, что не вырвусь.

Сволочь!

Попыталась прикусить мужскую ладонь, но и это у меня не получилось.

– Дальше я бы ударил тебя, чтобы не орала на весь дом. Стянул одежду, и трахнул бы. А потом, возможно, убил, – зашептал мне Руслан на ухо, продолжая зажимать ладонью мой рот.

Паника накрывает, я пытаюсь бить ладонями по бокам Руслана. Сильно, но выходит чепуха. Из сжатого рта лишь глухие стоны доносятся, мычание. И на столе, как назло, ни ножа, ничего. До бокалов не дотянуться, я полностью в его власти.

Когда я уже думала, что мне конец, Руслан резко отпустил меня.

– Ты!!! – я отскочила от него, вытирая губы. – Только посмей!!!

Нужно забрать Диану, и убираться отсюда. И только я развернулась, чтобы драпать, как Руслан незаметно оказался рядом, подхватил, и поставил уже около стола.

Неужели опять?

– Я просто показал тебе, что могло бы быть, будь я обидчивым отморозком. За языком следи, это на будущее.

– Это ты так обиделся?

– Я – нет. С потенцией проблем нет. Но если кому-нибудь в той дыре, в которой ты живешь, скажешь что-то подобное, то у тебя будут проблемы. Урок тебе, Люба. На будущее. Любая женщина слабее мужчины. А теперь сядь и пей свой какао.

Я растерянно посмотрела на Руслана, и села на стул, хотя больше всего я бы сейчас хотела оказаться как можно дальше от этой квартиры. И от самого Руслана Соколовского.

– Дошло хоть что-то?

– Я не тупая.

– Ты не тупая, а вот язык не помешало бы укоротить, – он поднес к губам свой бокал с виски, и продолжил смотреть на меня.

Не понимаю, зачем я здесь. И что Руслану от меня надо?

– Ладно, – бросила. – Я, правда, не тупая. И поняла, что гадость сказала про полшестого, и все такое. За это я бы извинилась, если бы ты мне синяков не наставил, и не нагибал над столом, как полный псих.

– Потому и нагибал, чтобы дошло. Итак, Люба, у меня вопрос. Почему не рвешься отсюда в полицию? Твоего чмошника ведь при нас в автозак запаковали.

– Чмошник – это Сережа?

– Он еще и Сережа, – усмехнулся Соколовский. – Да, я про него. Твой парень же?

Скорее, сутенер.

– Он сам справится. Что я буду лезть, – дернула плечом.

– Значит, не так уж любишь его?

Сейчас бы рассмеяться. С Серым удобно, он веселый, хоть и придурок, и немного мне нравится. Наши отношения построены на том, что ему завидуют, ведь гуляет он с красивой девочкой. А для меня эти отношения значат то, что Серый меня подвозит в не самое безопасное время суток, и дает хоть какую-то защиту. Парни знают, что за мной есть мужчина, вот и не лезут. Какая тут любовь...

– А тебе то что? Какая разница, кого я люблю, а кого – нет? Что ты вообще ко мне пристал?

– А теперь моя очередь, – спокойно ответил Руслан.

– В смысле?

– В прямом. Тогда я не тронул тебя, потому что ты несовершеннолетняя была, а не потому что у меня не стоит. Теперь ты повзрослела. Хотя по уму та же малолетка, но по паспорту уже нет. Раз уж мы столкнулись с тобой снова, надо пользоваться. Может, это судьба, – Руслан со стуком опустил бокал на стол, и снова потянулся к бутылке.

Очередной алкаш на мою голову.

– Ты что несешь? На кой хрен ты мне сдался, пфф?

– Не люблю, когда девушки ругаются. Притормози, Люба.

– А я не твоя девушка. Что хочу, то и говорю.

– Ты пока не моя девушка. Но скоро ею станешь. Если дебильные обидки по поводу своего барыги-брата в задницу засунешь, и поймешь, что я не мог иначе поступить. Но даже если продолжишь дуться по поводу своего Лёши, ты все равно моей будешь. Смирись, дорогая, допивай какао, и иди спать.

Глава 8

РУСЛАН

Проснулся я рано, как и обычно, и отправился на пробежку. Запасные ключи взял с собой, чтобы кое-кто не сбежал из квартиры.

Вчера Люба молча допила какао, развернулась, и пошла в душ. Ни слова мне не сказала. А я кайфовал, и в то же время чувствовал себя извращенцем. До сих пор чувствую. Баб было много, с кем-то были отношения, с кем-то просто спал, но это всегда были мои ровесницы. А эту-то я знаю с подросткового возраста, с которого Люба не изменилась практически.

Но плевать. Не такая уж она и мелкая. Да и надоело с самим собой воевать. Сама виновата – на глаза мне попала. Мысленно-то я с ней распрощался еще в тот день, когда Люба явилась за брата просить, а потом вдруг вбежала с глупыми обвинениями, и начала громить мой кабинет. Решил для себя, что трогать её не стану, искать встреч – тоже, и постарался выкинуть из головы. И вот, два года прошло, и снова она.

В квартиру вошел с предвкушающей улыбкой. Не отступлюсь, хотя по надутому личику встретившей меня Любы я еще раз убедился – будет трудно.

– Я здесь пленница?

– А как же «доброе утро»?

– В задницу твоё доброе утро! Я есть хочу, мне Диану нужно покормить, помыть, и, кстати, я это сделаю в твоей ванной. Хоть раз малышка в нормальных условиях помоеся. Только попробуй меня здесь удерживать! – снова сузила Люба глаза.

– Корми, мой Диану, делай что хочешь. У меня даже детские уточки и всякая дребедень игрушечная для ванны есть. И в плену я тебя держать не стану.

– У тебя ребенок появился?

– Нет. Племянница. Брат у меня жил пару недель с дочкой, пока у него ремонт был, отсюда и игрушки.

– Мне не интересно это, – задрала Люба нос, по которому я тут же и щелкнул.

– Ну ты и гримза с утра, оказывается.

– А ты с утра воняешь, – Люба повела носом, и ткнула пальчиком в мокрое пятно на футболке.

– Это спорт, детка. Я в душ, приготовь нам завтрак, – вышел из кухни, и направился в ванную.

Я практически уверен в том, что Люба приготовит мне не завтрак, а средний палец покажет. Так и оказалось – сидит над чашкой кофе, рядом бутерброды на блюде, и смотрит с насмешкой. Протянул руку к блюду, но Люба проворно отодвинула его.

– Ладно, сам приготовлю, – развернулся к холодильнику, из которого достал яйца и бекон. – Тебе два или три пожарить?

– Два. Только сопли сними с яиц.

Люба и не подумала отказаться. Все же, наглая она дико – мне-то бутерброд пожалела. Характер показывает как обычно.

– Сопли?

– Ну эту мерзость сопливую. Белок, – скривилась Люба. – Терпеть не могу: пожарят яичницу, а сверху сопли. Фу.

– Подойдешь, и снимешь.

Думал, сейчас она меня пошлет, но нет. Дождалась, пока яйца схватятся, и сняла «сопли» и с моей порции, и со своей. И когда я поставил перед ней тарелку, Люба протянула мне бутерброд. Ну прямо детский сад.

Завтракали мы в тишине, затем Люба пошла будить свою сестру, а я достал игрушки Алисы, и принес их в ванную. Думал, будут мыться минут десять, но это растянулось практически на час. Жесть! Подходил к двери, прислушивался к веселым взвизгам и смеху, но потопить их не решался. Наконец, вышли обе: покрасневшая Люба с тюрбаном на голове, и малявка. Тоже с тюрбаном.

– Всегда интересно было, как вы так волосы в полотенце скручиваете. Привет, принцесса, – провел пальцем по щеке малышки, и та улыбнулась мне.

А старшая снова нахмурилась. От Любы улыбок не дождешься.

– Морщины появятся, не хмурься.

– От улыбок тоже морщины. И носогубка, – парировала она. – А насчет полотенца – отрати волосы, и я научу тебя как их сушить после душа. Торжественно в этом клянусь. Кстати, мы твои новые зубные щетки открыли. Диан, пойдем завтракать, – Люба потянула девочку за руку, и посмотрела на меня: – Я манку ей сделаю, и какао возьму, хорошо?

– Все, что угодно.

Отправился за ними на кухню, и принялся наблюдать. Когда Люба забывает строить из себя стервозину, выглядит она мило. Над сестрой хлопочет, суетится, шутит. Всегда нравилось наблюдать за Любой, несмотря на её художества в подростковом возрасте. Вроде всегда предпочитал скромных девушек, тихих, а эта же – катастрофа, и подростком была жутким: дурные компании, хулиганство, да и сейчас не изменилась почти. Максималистка и холерик – жуткое сочетание.

Но тянет именно к ней. Давно тянет.

– Тебе сколько лет? – сел рядом с Дианой.

– Вот, – она показала пять пальцев, и еще один. – Сесть.

– Шесть. Ша, – проговорила Люба, и Диана повторила за ней.

– Скоро в школу?

– Угу, – нахмурилась Люба, а вот Диана этому обрадовалась.

– Что, Люба, с ужасом школу вспоминаешь? – не смог не поддеть её.

– Нет, мне в школе нравилось. Я дружила со всеми, и учеба легко давалась.

– Тогда чего хмуришься?

Она бросила на меня острый мрачный взгляд, и поставила перед Дианой тарелку. Бросила на манку кусочек сливочного масла, и насыпала сверху ложку сахара. Надо же, в детстве я тоже любил именно так: если манка, то с маслом и сахаром, сидеть и наблюдать как масло растворяется, а затем, когда каша чуть остынет, есть сладкую корочку из сахара.

– Ну так что? Не хочешь сестру в школу отправлять?

– Просто представляю, во сколько это обойдется.

– Образование у нас бесплатное.

– Ну да, – дернула Люба плечом, – бесплатное. А чтобы ребенка в школу собрать, нужно просто взять кредит.

– Неужели так дорого?

– Ты, товарищ майор, от жизни отстал. Это не просто дорого, это опупительно дорого.

Но время еще есть.

Люба принялась делать какао, а я задумался. Да, она ребенок по характеру, и колючая как подросток, но... но сестру тянет сама. И в голове не те мысли, которые должны быть у девятнадцатилетней девочки – не парни, универ, гулянки и цвет помады, а работа и сборы ребенка в школу. Жесть какая-то.

Девчонка медленно смаковала кашу, а я залез в сеть, и нашел информацию на тему, сколько нужно денег, чтобы собрать в школу первоклашку. Ну, тысяча двадцать пять, не такие уж деньги. Хотя, если бы я жил на свою зарплату, и имел бы при этом ребенка, пришлось бы подкопить.

- Я дам деньги.
- На благотворительность отдай. Я сама заработаю.
- Не в этом клубе. Ты там больше не работаешь, кстати.
- С чего бы это?
- С того.
- Работаю, Руслан. Еще как работаю.
- Боюсь что нет. Прости. Хотя, к черту. Извиняться за это не буду.
- Я не собираюсь бросать работу, – мрачно повторила Люба.
- Тогда тебя просто уволят. Я это организую.
- Только посмей!

На самом деле – уже посмел. Телефон управляющей я достал, договорюсь с ней насчет расчета, его Любе переведут.

– Не порти мне жизнь. Платят в клубе хорошо, на эти деньги можно жить. Или ты так обиделся, что я тебе отказала? Так, да?

– Нет. Просто рано или поздно тебя какой-нибудь укурый затащит в кабинку туалета, и отымеет. И никакого охранника рядом не будет. Эта работа не для тебя.

– Не лезь в это, – отрезала Люба.

Уже влез. Ну ничего, зато на мое предложение быстрее согласится, учиться пойдет.

– Ты кем хочешь стать-то, Люба? Есть мечта? – спросил, не особо надеясь на ответ – в личном меня пока пускать не намерены.

Зато Диана оторвалась от каши, и пролепетала:

– Люба хочет резать людей.

– Резать? – расхохотался. – Очень похоже на тебя, Котова. Я всегда это знал!

– Я бы в мед хотела поступить, и стать хирургом, вообще-то. Но учиться долго, еще ординатура... короче, не вариант.

Хирург. Хм, Люба точно сможет. По моему мнению все врачи – те еще отморозки, а хирурги и подавно. Я, при всей своей стойкости, точно не смог бы скальпелем вскрыть человека, вернее смог бы, но только если бы ненавидел этого самого человека. А Любу я могу представить в операционной – она точно сможет.

– Ну вот. Клуба, считай, уже нет. С осени пойдешь учиться, я помогу.

– Я ведь уже объяснила!

– Ты наговорила глупостей, как типичная обиженка. Я их мимо ушей пропустил. Никакой работы – учись.

– А Диану кто содержать будет? И кто с ней будет находиться, пока я на учебе, м? В школу её кто будет водить, и кто будет встречать? Или мне бросить сестру? – прошептала Люба, склонившись надо мной.

– Няня. Найму, нет проблем.

– А я не хочу, чтобы ты кого-то нанимал.

– Зато я хочу. И как я хочу, так и будет, – оскалился.

Ожидал, что Люба нахмурится. Или взбрыкнет, и пошлет меня к черту, а она вдруг улыбнулась. В глазах – теплая ирония, соблазн, полные губы так и манят... черт, успеется, отступить из-за мелких уколов я точно не стану.

– Вау, Соколовский. Ты в нагибаторы заделался? Как я хочу, так и будет, – передразнила она своим низким блюзовым голосом, от которого я балдею. – А ты не слишком ли много на себя берешь? И в учебе готов помочь, и с сестрой, и решил, что я с работы уйду. Маньячеством попахивает, дорогой.

– Скажи это еще раз, – я картинно простонал.

– Маньяк! – припечатала Люба.

– Нет. Дорогой, – усмехнулся. – Так меня и называй.

– Я слишком молода для тебя. Дорогим ты мне не станешь, дядя.

– Раньше тебя не смущало то, что я старше. Напомнить? Или думаешь, я не понял, почему ты к Тане ходила?

– Я была дурочкой. Дурочки часто влюбляются в плохих дядек. Это в прошлом, – отрезала она.

Вижу. Раньше Люба на меня по-другому смотрела, сейчас стену возвела. Пробью. Не такой уж я неотразимый, но морда смазливая и тело красивое – девки ведутся. Вот и Любу завоюю, никуда она от меня не денется, хоть и придется повоевать.

Но Люба вдруг сама обратилась ко мне:

– Знаешь, Рус, я могу согласиться на все. При условии, что ты вытащишь Лешу из колонии. Сделаешь? Тогда твоей буду. Что скажешь?

Глава 9

– А мы еще вернемся к дяде Руслану? Он добрый! И у него красиво. И ванная такая... ну такая, ну просто вот такая!

Я усмехнулась. Любовь к водным процедурам – это у нас, видимо, семейное.

– А почему дядя Руслан не похож на всех остальных? Ну Люб! Почему?

– Потому что он не пьет. Успокойся, котенок, – попыталась усадить Диану на кровать, но куда там.

Я еще вчера недоумевала, что Диана не удивилась тому, что мы ночевали в чужой квартире с, по сути, незнакомцем. Накаркала. Сегодня Ди в ударе, и буквально с ума меня сводит.

– А почему мы здесь? Дядя Руслан же предложил нам остаться у него. Или квартиру снять. Я же слышала. Почему мы здесь, Люб? – сестренка пребольно дернула меня за волосы.

– Ау. Полегче! Мы здесь потому что здесь наш дом. Пока что.

– Но дядя Руслан же предложил. Я всё-всё-всё слышала! – Диана обиженно топнула ногой, и взглянула на меня как на врага.

Ну приплыли. Козёл этот «дядя Руслан», чтоб ему икалось.

Я не особо надеялась на то, что мои прелести так соблазнят Руслана, что он решит вытащить из колонии Лёшу. Предложила, потому что... да черт его знает, почему. Может, отчасти верила в такую возможность. Может, захотела позлить Руслана, что просто так с ним не свяжусь, а только за ништяки.

Взглянула на себя в зеркало, и вздохнула. Диана что-то бурчит обиженно, я уже и не слушаю её. Все же, было бы неплохо, если бы Руслан согласился. С ним-то явно приятнее было бы спать, чем с каким-нибудь зарвавшимся богатым уродцем. Но... не судьба. И ладно.

«Ты в любом случае моей будешь. Без всяких условий» – вспомнила я наглый ответ Руслана.

Даже не поморщился, мерзавец. Ну какая же он самоуверенная сволочь, и как же бесит. Значит, раньше, когда я бегала за ним как чокнутая сталкерша, не нужна была. А тут вдруг понадобилась. Теперь я знаю секрет как завоевать любого мужика – нужно его импотентом назвать. Сразу захочет доказать, что всё у него стоит так, как надо.

Вот как Руслан.

Только хрен ему.

– ... а мы еще придем к дяде Руслану в гости? – донесся до меня лепет Дианы, вырывая из мыслей об этом самом «дяде Руслане».

Как же его много стало в моей жизни! Еще и наглость имел предложить остаться у него, или квартиру снять. И ладно бы наедине разговор завел, но нет же, при Диане. А у неё ушки на макушке, всё что не нужно запоминает, умное дитятко.

– Ну Люб!

– Посмотрим, – строго ответила я. – Всё, нам пора.

– К дяде Руслану? – сестра соскочила с кровати.

Я чуть не зарычала на нее. И с радостью бы прикрикнула, еле сдерживаюсь. Иногда дети – то еще наказание.

– Не к дяде Руслану. У меня медосмотр, а ты идешь со мной.

– Нууу...

– Не нукай. На обратном пути мороженку куплю. С шоколадной крошкой, – подмигнула сестре, взяла её за руку, и вывела из комнаты.

Бог его знает, где сейчас моя родительница. Вся коммуналка опустела – ни соседей, ни отчима, ни его собутельников. Мамы тоже нет. Зато на кухне вонища от рыбьих голов – на

жаре лежали на газетке, расстеленной на столе, и завонялись. И мерзкая, ненавидимая мной килька протухла. На стуле и полу капельки крови – явно драка была, как это часто происходит.

Очаровательно.

Ну хоть труп не нашли, и на том спасибо. Ушли, и слава Богу. Пусть вообще не возвращаются. Понимаю, почему Диана запомнила предложение Соколовского снять нам квартиру, раз я не хочу селиться у него. Я бы на месте мелкой тоже запомнила. Всё что угодно, лишь бы свалить из этого «рая».

– Диан. Я ничего обещать не могу, но возможно, скоро мы с тобой переедем. В хорошую квартиру. Без отчима, – прошептала сестре на ухо.

– Да?

– Я не обещаю, но все для этого делаю.

Диана удобнее устроилась на моих коленях, и весело взвизгнула, когда маршрутку подкинуло на не самой ровной дороге.

– К дяде Руслану?

– Нет. Он чужой, Ди. Помнишь, я тебе объясняла, что нельзя доверять чужакам.

– Но...

– Он не плохой, – покривила я душой, не желая разрушать веру сестренки в идеального «дядю Руслана». – Но чужак. У меня есть руки и ноги, и на квартиру я нам заработаю. А знаешь, я говорила что не обещаю, так вот, беру свои слова назад. Я тебе клянусь, что скоро мы переедем!

Ди так радостно мне улыбнулась, что я тоже не сдержала улыбку.

Даже если с Лёшей не срастется, и мою залежавшуюся девственность никто не купит, то мы переедем. По крайней мере, тогда я смирюсь, что деньги на освобождение брата не достану, откажу Диане во вкусняшках и через месяц-полтора заберу её в новую квартиру.

Отсутствию отчима она обрадуется. А вот отсутствию мамы – вряд ли. Но маму я тащить на себе не смогу, хватит.

– Выходим, зайка, – ссадила Диану со своих колен, и мы вышли из маршрутки.

– А куда мы?

– Я же говорила – на медосмотр.

– А что это такое? – Ди дернула меня за руку, привлекая внимание.

Хм. Правду сестре точно не расскажешь. Её вообще желательно никому не знать – иду проверяться на болячки и девственность, заодно проверят, не восстанавливали ли мне её. Унизительное мероприятие.

– Будут проверять мое здоровье.

– И зубы? – поморщилась сестра.

Я не выдержала – расхохоталась, представив, как мне в рот будут заглядывать, как лошади. А может и будут. Вдруг я вся из себя девственница, а зубы – гнилые. Непорядок.

– Не знаю. Тебя трогать не будут, просто подождешь меня. Вот, мы пришли, – указала на медцентр, стоящий на углу Красной, и через пару минут мы уже были у регистратуры.

Полис у меня есть. Даже медкнижка в наличии, правда купленная, как и у всех остальных сотрудников клуба, но документы я принесла почти все. И начала ходить из кабинета в кабинет, пока Диана прыгала по коридору в шуршащих бахилах.

Волновалась немного. Все же, питание у меня далекое от правильного. И распорядок дня. Плюс пассивное курение с малых лет – отчим и мама дымят прямо в спальне. Серьезных болезней я не ожидала, но уверена была – какую-нибудь дрянь у меня обнаружат. Ан нет, здорова полностью. Даже сколиоза нет. На мне можно пахать.

– Остальные результаты анализов будут готовы завтра. Вот эти, – симпатичная медсестра указала мне на них колпачком от ручки. – Я отсканировала ваши документы, и направила... плательщику.

Как дипломатично она выразилась. Моё почтение.

– Мне нужно приходить завтра?

– В анкете указан ваш телефон. Если анализы будут плохими – мы свяжемся с вами. И в любом случае направим вам результаты, – улыбнулась медсестра.

– Спасибо.

– Приходите к нам. Будем всегда рады, – она протянула Диане конфеты, и кивнула напоследок.

Вроде я и не должна злиться, но злюсь. Вот на эту конкретную медсестру. Старше меня всего лет на пять, с образованием, работает в частной клинике. Вся из себя ухоженная, причёска – волосинка к волосинке. Точно знает ведь, почему я была в этой клинике, раз «плательщика» упомянула. Ей-то точно не приходится собой торговать. Может, и парень нормальный есть, а не как мой барыга... ой, как он там, интересно? Тьфу, только сейчас вспомнила.

Обратно мы с сестрой пошли пешком. Остановились у контейнера с мороженым, и я выполнила свое обещание – купила Диане её любимое, а сама залипла в телефоне.

«Привет. Ты как? Отпустили, или...» – написала Сереже.

– Идем? – подала голос Диана.

Опустила взгляд на сестру, и улыбнулась – весь нос в мороженом. Стерла с её личика липкую сладость, взяла за руку, и мы пошли к дому. Про Сережу я снова забыла, все мысли, даже не мысли а почти молитвы о том, чтобы мы ночевали одни. Раньше, когда мама в загулы отправлялась, я ходила её искать. И притаскивала ведь домой. Зимой ходила, и Диану за собой таскала по всяким притонам, идиотка. Сейчас точно не пойду, лишь выдохну с облегчением, что мы целый день без родственников проведем.

Хоть бы!

«Всё норм, малёха морду подрихтовали в обезьяннике. Уже дома. Соскучилась?» – пришел ответ от Серого, когда мы уже почти дошли до барака.

Пфф. Ну да, скучаю, аж не могу.

«Наш клуб, надеюсь, не прикрыли» – написала я Сереже.

Упаси Боже. А ведь если наркоту нашли, то могут и прикрыть это чудное заведение.

«Без понятия» – пришел короткий ответ.

Обиделся – поняла я. Нужно было написать, что соскучилась. Хотя... фиг бы с ним.

Домой я вошла, как обычно, затаив дыхание. Это уже привычка. И застала нас блаженная тишина – Бог мои молитвы услышал впервые в жизни. Никого! Мы одни!

– Поиграем? – Диана зевнула, осоловев от жары.

– Потом. Давай поспим сейчас.

– Я не хочу спать, – сестра потеряла глаза кулачками.

Села перед ней, сняла обувь, подняла на руки, и понесла в спальню. Заснула Диана до того, как я положила её на нашу кровать. Постояла над ней пару минут, и пошла на кухню. Ненавижу это место, и домом не считаю, но это не повод жить в свинарнике. Я включила музыку на минимальную громкость, и занялась уборкой. Загадят, конечно, как вернуться, но хоть денёк здесь будет чисто.

Отдраила холодильник, плиту, смыла с кафеля брызги жира от нелюбимых мной котлет, которые вечно жарит мама, и музыка, льющаяся из моего телефона, оборвалась. Вместо нее раздался звонок.

«Ангелина. Работа» – увидела я на дисплее. Быстро смыла с рук пену, и приняла вызов.

– Алло.

– Привет. Люба, скажу как есть, без лирических отступлений – приходи за расчётом. Ты у нас больше не работаешь. На карту перекинуть не смогу – мониторят нас, так что до трех утра приходи в клуб.

Вот черт! Что я сделала-то?

– Почему? Из-за того, что я вчера ушла? Так меня чуть не арестовали. И явно после рейда мы не работали, ведь так? Я же не прогуляла смену? – напустилась я.

– Почему? Меня не просили держать это в секрете, так что скажу – на меня надавили. Либо я тебя увольняю, либо мне организуют ежедневные проверки и еженедельные рейды. А ты у нас не работник года, выбор был очевиден, – устало проговорила Ангелина. – В общем, жду тебя сегодня до трех утра. Пока.

Я опустила телефон на кухонный стол. И, нет, я не расстроилась. Я в ярости.

– Руслан, – прошипела, сжав кулаки так, что ногти в кожу впились. – Ну я тебе устрою сладкую жизнь!

Глава 10

Тяжела и незавидна жизнь матери-одиночки. Я хотела отправиться к Руслану немедленно, запал ярости требовал немедленного выхода, но у меня Диана. Не я её рожала, конечно, но с первых же дней именно я с ней возилась, и чувствую себя не сестрой, а матерью.

А Дианка спит. Бросить её одну не могу, будить и тащить на разборки – тупость. Но злость-то кипит, а характер свой я сдерживать не привыкла. Отошла от спящей сестры, вернулась на кухню, взяла граненный стакан отчима, из которого он хлещет водку, и шандарахнула его об пол. От души. На счастье.

– Мстительный убудок! – ругнулась, вспомнила все маты, которые слышала, и выдала их сквозь зубы.

Нет, ну какой же он мудака! Захотел меня трахнуть потому что я его опустила с «полшестого». Я не дала, и решил отомстить. И, черт, работу-то я найду, неквалифицированные сотрудники много где требуются, но я ненавижу собеседования. Вот от всей души. Для меня это унижительно – ходить, клянчить работу, за которую в итоге копейки платят, зато имеют на этой самой работе во все места.

Ну знает ведь, что у меня Диана, и никто нас не содержит. Знает! И все равно устроил все так, чтобы меня уволили.

Разбитый стакан и грязные маты лишь отчасти помогли мне успокоиться. Взяла телефон, и к своему позору поняла – номер Соколовского я помню наизусть. Свой не знаю, да и ничей больше, а вот его номер продиктую, даже если меня среди ночи разбудят. Может, конечно, он и поменял номер, но почему-то я уверена – нет.

«Подленькая месть. Но ты ведь не думаешь, что работа есть только в этом клубе? А вообще, я разочарована. Так мелко, просто фу» – написала я.

Отправлено, доставлено, и... прочитано. Точно, номер он не поменял.

«Привет, злюка. Это не месть, не тупи. Нечего тебе в клубе делать, я же вчера говорил что ты там больше не работаешь, вот и сдержал свое слово. И насчет разочарования – а ты была очарована мной, чтобы разочаровываться?»

«Так мне тебя поблагодарить за то, что меня уволили?» – тут же отправила я ответ.

«От тебя я вряд ли в ближайшее время дождусь благодарностей»

«Не в ближайшее, а никогда. Знаешь значение этого слова? Не в этой жизни, и даже не после дождика в четверг. Хотя, возможно когда рак на горе свистнет, ты дождешься от меня благодарности»

«Это произойдет раньше. И от тебя я предпочту не «спасибо», Люба, а кое-чего более приятного. Представь, что я возвращаюсь домой, и ты ждешь меня. Стол накрыт, ты сидишь за ним в черном полупрозрачном белье, и я выбираю, чем именно ужинать. Ответ: я предпочту сначала тебя, а затем все остальное. Представила? Вот такая благодарность меня устроит»

– Размечтался, – усмехнулась я.

«Сейчас моя ладонь сжата в кулак. Я медленно и эротично приподнимаю средний палец. Представил? Вот тебе и ответ»

«Представил. Как буду целовать твои пальцы, и ты будешь просить большего. А ты будешь, Люба! Иначе бы ты не флиртowała сейчас со мной»

На какой фабрике делают таких самоуверенных мужиков?

«Соколовский, я не флиртую, а посылаю тебя на хер. Большие не смей вмешиваться в мою жизнь. Видеть тебя не хочу, и общаться тоже. Это последнее сообщение» – я сердито набила ответ, даже не проверив на ошибки.

Флиртую. Вот еще! Или... да нет же, это не флирт. Наверное.

– Как же ты меня бесишь! – рыкнула, потянулась за очередным бокалом, но не разбила, хотя хотелось, а просто налила воду, и выпила залпом.

Всё. Не буду ему писать больше. И даже заблокирую от греха подальше. Телефон вибрирует от сообщений, я держусь, не читаю. Раз, два, три, четыре. Четыре сообщения. Скорее всего от Руслана. Пусть идет в задницу, флиртую я с ним, ха!

Меня буквально ломает, как наркоманку – так хочется взглянуть, что он мне написал. Но у Руся сразу высветится, что сообщения прочитаны, и такого удовольствия я ему не доставлю. Чтобы отвлечься, начала думать над тем, что делать дальше. И пришла к выводу – нужно ссез-жать.

Я не самая слабая девушка, вполне спортивная, не хилая, но Соколовский прав – я могу одолеть мужика, состояние которого близко к отключке от выпивки, но долго так продолжаться не может. Рано или поздно какой-нибудь козел меня изнасилует. Или Диану, что еще хуже. Так что сегодня заберу расчет, и сниму для нас с Ди студию или комнату, денег хватит.

Но мне нужна будет работа, а кто будет с Дианой сидеть?

– Буду решать проблемы по мере их поступления, – спокойно сказала я самой себе. – Валишь отсюда нужно в любом случае. Ради сестры и себя.

– А с кем ты разговариваешь? – на кухню вошла Диана.

– С самой собой. Выспалась? Идем в душ и чистить зубки, – повела сестренку на выход, и мы вошли в душевую.

Диана поморщилась при виде жуткого душа. Ну да, это не ванная Руслана. Наш душ, скорее, на морг похож.

– Диан, я завтра начну нам квартиру искать. Тебе и мне, – сказала, вытирая её.

– И маме?

– Нет, мелкая. Мама останется здесь.

– А почему?

– Почему? – повторила её вопрос.

Потому что. Этого урода она не бросит, пить – тоже, но вряд ли Диана это поймет. Я и сама это осознала всего пару лет назад.

– Я буду привозить тебя к маме. Часто. Если захочешь – каждый день, когда она будет трезвой, – выдала, понимая, что этого не будет. Вранье это, наглая ложь. Раз в неделю будут видаться, скорее всего, и то не факт. – Зато у нас будет ванная как у Руслана. И тишина. Никаких пьяниц, никаких драк. Только ты и я.

И Леша, если удастся его вытащить.

– Круто, – улыбнулась Диана.

Ущипнула ее за носик. Это сейчас она радуется, но по матери будет скучать – сто процентов. И слезы будут, и просьбы немедленно поехать к маме, истерики. Но это пройдет.

Усадила сестренку у окна, просушила ее волосы полотенцем, и услышала, как открылась входная дверь. Счастье было недолгим.

– Девчонки, вы дома, мои хорошие? Спите? Просыпайтесь, принцессы!

Голос мамы. Выпившая. И шорох пакетов. Шаги.

– Сиди. В окно не высовывайся, опасно, – наказала Диане, и пошла в коридор.

– Любочка, – улыбнулась мама, уперевшись рукой в стену, – а я с подарками. Решила побаловать моих девочек. Ну какая же ты у меня красавица! Зови Дианку... Диана! – выкрикнула мама.

У ее ног пакеты из магазинов. Пьяная, еле на ногах стоит, но отчима нет, и на том спасибо.

– Мапочка, – Диана выбежала из комнаты, шлепая босыми ногами. Хорошо что я пол помыла.

– Я с подарками, – мама присела перед Дианой, и поцеловала ее в щечку. – Вам обеим. Поможешь разобрать пакеты?

– Конечно! А что за подарки? – радостно взвизгнула сестра.

– Да. Что за подарки, и на какие деньги? – спросила я.

– Это взрослые дела, дочь. Я что, не могу вас побаловать?

Мама взяла пакеты и, пошатываясь, вошла в комнату. А Диана за ней хвостиком. Ну и я заодно. Сейчас мама без работы, иногда она полы моет в подъездах, клеит объявления, в ларьке работала вот, но уволили. Всегда увольняют из-за запоев. А магазины эти я знаю, откуда пакеты – масс маркет, конечно, но откуда?

– Платьюшко тебе. И туфельки, примерь. Курточка еще, смотри какая, и сумка. Как у взрослой. А в ней смотри что? Диадема, – мама доставала покупки под восторженным взглядом Дианы.

Все новое, с этикетками. Я бы подумала, что мама все это украла, но она не воровка – максимум бумагу туалетную тащила с работы домой, да мимо кассы торговала. И пакеты ведь из магазинов, значит точно купила.

– Мама, где ты взяла деньги?

– Люб, не порти настроение. Где взяла? Заработала. Лучше смотри, что я тебе взяла. Ну прелесть же, – мама достала белый сарафан с вышитыми на подоле бледно-розовыми цветами. – Тебе он идеально подойдет. И размер твой – у меня глаз наметан, все же я швея. К нему пояс, его не застегивать нужно, а завязывать. И юбочку тебе купила. Топики, как молодежь носит, а не эти твои кожаные, как у девки.

Мама доставала покупки, вертела их, и опускала на кровать. Все и правда красивое. Нежное, то что нужно для маленькой девочки и юной девушки. Сама я одеваюсь броско, как привыкла во время работы официанткой в баре и барменом в клубе. Чем короче юбка – тем больше чаевые, это закон. Но хотелось мне именно таких нарядов – чтобы белые и розовые платья и сарафаны, топы с псевдожемчугом, светлые джинсы. Именно так одеваются в моем возрасте. Но все это дорого, я знаю цены. Ходила ведь по магазинам, травила себе душу – эти вот джинсы с бабочками на попе стоят четыре пятьсот.

– Мне как раз, – Диана уже надела белые туфельки, в руке сумочка, а на голове – диадема, будто она на утренник собралась. – Хочу платье померить. Можно?

– Это все твое, моя хорошая, – мама отделила вещи Дианы, и мои. – И ты, Люб, примерь.

– Как ты заработала на эти вещи? – нахмурилась я. – Здесь... здесь тысяч на сорок. Откуда все это?

– Ты можешь просто порадоваться? – мама всплеснула руками, да еще и всхлипнула. – Я просто решила вас порадовать. Накопила, ясно? Себе ничего не взяла, вам вот накупила. И пить завтра брошу.

– Как бросишь – поговорим.

– Не веришь мне, да? Ну конечно, мать плохая...

– Ой, давай без цитат. Я смотрела «Любовь и голуби», мам. Ничего ты не копила, и явно не заработала, нигде за сутки столько денег не достать. У какого-то пьянчужки взяла из тех кто у нас ночевал, да? А потом он вернется сюда, и прирежет нас за эти деньги. Иди, сдай все это в магазин, и верни бабло тому, у кого его взяла. Я за шмотье не намерена от быдла прятаться.

Не знаю, почему я так вспылила. Может, потому что это правда, я по лицу мамы вижу, что угадала. У нас не только бомжеватые маргиналы ошиваются, но и дружки отчима, которые с вахты приезжают. С полными карманами денег. За их счет и гульбища устраивают.

А еще... еще я злюсь, потому что мама и правда пыталась сделать нам с Ди приятно. Она часто пытается, вот только лучшим подарком была бы ее трезвость. А в обещание про «брошу завтра пить» я уже не верю. Напьется, придет этот пьяница, за счет которого куплена одежда, и устроит здесь мордобой. И кому потом слезы сестры утирать? Мне!

– Диан, снимай. Одежда с браком, её нужно в магазин вернуть. Мы с мамой купим тебе на днях такие же вещи, – подошла к сестре, но она ни в какую.

Отбежала от меня, обиженно губы надула. Уже в новом платье. И оно ей идет. Дианке все идет – чудной красоты девочка, ей в модели дорога, это уже понятно.

– Нет!

– Диана!

– Нет! Не отдам! Моё!

– Люб, успокойся. Я всё беру на себя, – мама взяла меня за руку. – Это ваши вещи. Любые последствия на мне.

– Значит, деньги точно ворованные, – скривила я губы. – Мне все это не нужно. Не надену.

– Не почему ты такая? Ненавидишь меня? – выкрикнула мама. – Презираешь? Я что, мусор? Я твоя мама, а ты со мной так обращаешься, как с ничтожеством! Ты...

– Мам, не кричи, – перебила, и тихо сказала: – Я бы обрадовалась дешевой майке, если бы ты мне ее подарила. Купленную на твою зарплату. Но не этому. Я понимаю, что ты хотела нам подарок сделать, но мне такой подарок не нужен.

Обернулась на Диану. Она успела все вещи с кровати взять, прижала их к животу, и надулась как лягушка. Того и гляди заплачет. Черт! У нее теперь ничего не отнимешь.

– Мои вещи сдай. Я это не буду носить. Деньги не пропивайте, отложи, за ними явно вернутся, – повторила я.

Мама расплакалась пьяными слезами, повалилась на кровать. Знаю – заснет через пару минут, но все равно почему-то себя сволочью чувствую и какой-то гримзой.

– Не плачь, – неловко похлопала маму по спине.

Не знаю, что делать. Я умею утешать Диану, но пьяные слезы утирать не умею. Меня спас зазвонивший телефон, к которому я метнулась как утопающая к берегу. Даже не посмотрела, кто звонит.

– Да.

– Ну наконец-то! – услышала голос Руслана. – Обиделась, злюка?

– Я же тебя уже посылала, или посыл был неясен?

– Вообще-то я с белым флагом, Люб.

– Засунь его себе...

– В жопу, – договорил Руслан, и рассмеялся. – Ладно, угомонись. В этом притоне, который называется клуб, тебе нечего делать. Не хочешь у меня жить? Сниму тебе квартиру, с сестрой помогу.

– Я же сказала, что мне ничего не нужно от тебя!

– А теперь про белый флаг, красивая моя. Если ты соглашаешься на мое предложение, завтра ты встретишься с братом. Я выбил вам свидание. Вместе поедem в колонию, правда выехать придется в четыре утра, но ты ведь привыкла не спать ночами. Сегодня купим ему продукты, передашь посылку. Не думаю, что ты в состоянии баловать его, только сигареты наверное и отправляешь. Ну так что? С меня – свидание с братом, трехчасовое, между прочим, доставка туда-обратно, а с тебя – согласие жить в съемной квартире вместе с сестрой. Даже спать за это со мной не нужно. Твой ответ?

Глава 11

РУСЛАН

Приехал я к дому Любы в три пятьдесят. Вышел из машины, и закурил сигарету.

Местечко пиздецовое. За домом слышен пьяный смех какой-то гопоты – подростки бухают, видимо; неподалеку припаркована раздолбанная «шестерка», в ней девка оседлала парня. Трахаются.

Интересно, Люба выйдет? Если не выйдет – нужно забить. Я привык держать свое слово, так что если она не поедет со мной, то никакой квартиры, и вообще ничего. Нужно будет просто о ней забыть. А по уму, лучше бы мне и сейчас за ней не носиться, не для меня она. Но тянет. Хочу – и все тут.

Ровно в четыре Люба вышла из барака. Одета на удивление скромно, прямо как монашка – широкая рубашка и свободные джинсы. На руках – спящая Диана. Вышел, забрал у Любы ребенка, и устроил на заднем сидении.

– Привет, – прошептал.

– Привет. Можешь говорить нормально, Дианку только крики разбудить могут. Она привычная, не проснется от простого разговора.

– Ну ок, – завел машину, вырулил с этой убогой улицы с разбитыми фонарями, – значит, забились? Свиданка с братом в обмен на твой переезд?

– Наш с Дианой переезд. И ты не будешь приходить к нам как к себе домой, без всяких дубликатов ключей, хорошо? А еще я потом верну тебе деньги.

– Обойдусь.

– Я настаиваю, – нахмурилась Люба.

– Ладно, – отмахнулся.

Все равно не возьму. Да и не вернет она мне бабло за квартиру, где она тридцать пять тысяч в месяц возьмет? Уж точно не заработает. А если и заработает, то не потянет и за квартиру платить, и сестру содержать.

– Непривычно выглядишь.

– Не нравлюсь? – усмехнулась она.

Оглядел ее еще раз – сидит скромно, ноги на панель не закидывает, и одета в кои-то веки не как малолетняя шлюха. Никаких коротких топов, шорт, юбок. Они заводят, конечно, но в то же время бесят. Такое нужно дома носить, а не по улицам полуголой шастать.

– Нравишься. Но непривычно.

– Спецом так вырядилась. Все равно менты будут обыскивать, когда в колонию приедем, облапают всю. Не хочу им удовольствие доставлять. Пусть не красивую девку мацают, а монашку, – подмигнула она мне.

Ну кто бы сомневался. У Любы всегда была странная мотивация.

– А где передача? – она обернулась назад. – Мы же вчера покупали с тобой продукты!

– В багажнике. Я все приготовил, упаковал как положено.

– Спасибо, – буркнула она. – Кстати, я Леше не только сигареты посылала, но еще и бритвы, сухое молоко, и все такое. Ты был не прав вчера. Правда, с сигаретами странность – он не курил раньше, противником всего этого был. А потом позвонил из колонии, и попросил сигарет побольше. Зря начал, потом сложно будет бросить.

– В колониях сигареты – местная валюта, Люб. Может, твой брат и не курит, но многое можно на сигареты обменять.

– Понятно.

– А твоя мама хоть знает, что ты сестру с собой взяла?

– Мама? Да ей плевать, что Дианы ночью дома не было, – Люба дернула плечом. – Не хочу об этом говорить.

Помню её мать, как-то раз в участок за Любой не брат явился, а Надежда Михайловна, вроде так ее зовут. Красивая женщина, хотя по слегка одутловатому лицу было видно – любит выпить. Плаксивая, не злая, на Любу не орала как другие мамы на своих детей бы орала в таком случае. А вот Люба на нее волком смотрела, тогда меня это удивило.

– Почему ты так к своей матери относишься?

– Я же сказала, что не хочу об этом говорить!

– И все же? Я не отстану.

– Потому что она пьет, что тут непонятного?

– Приятного мало.

– Разумеется. Я пыталась ее вытащить, кодироваться водила, но толку никакого, – проце-дила Люба, отвернувшись от меня. – Только закодирую ее, уйду на работу спокойная и радост-ная, а дома мои сбережения. Я их прятала, на видном месте не оставляла, но у мамы и отчима будто нюх на деньги, ей Богу. За шкаф, блин, где обои на стене отошли, деньги схоронила. Пришла домой – они пьяные, денег моих нет. И такое было не один раз. Я просто устала ее любить, вот и все. Доволен?

Логично. Сам бы, наверное, руки опустил. Но тот взгляд я помню, Люба тогда даже не работала, школьницей была. А на мать свою с ненавистью смотрела. Причем, ненависть была лютой.

– И это все? Помнишь, ты первый раз ко мне в кабинет попала... лет четырнадцать тебе было, или пятнадцать, когда ты с подружками из продуктового что-то сперла? Тогда твоя мать за тобой явилась. Я думал, что ты ее ударишь, так смотрела на нее. А она тебя обнимать лезла, по голове гладила.

Не стал Любе передавать слова своего напарника, заставшего эту сцену. Любу он назвал начинающей неблагодарной шлюхой, а ее мать – бедной женщиной, которая понятно почему пьет. С такой дочерью любая забухает.

– Тебе так любопытно? Ну ладно. Я с мамой год тогда на ножах была, и все из-за Дианы. Мне тринадцать было, когда она ее родила. Папы на втором месяце маминой беременности не стало, мама в депрессию впала, – Люба заговорила глухим голосом. – Я пыталась ее поддер-живать, мама папу очень любила, и я боялась, что она... ну, за ним пойдет. В окно, например. Сидела с ней рядом, о еде заботилась, даже мыла ее. А деньги заканчивались у нас, хорошо хоть Лешка начал подрабатывать, иначе бы мы не вывезли. Мама же не пила раньше, я помню, она только на Новый Год бокал шампанского выпивала, и все, – вдруг повысила Люба голос, и снова потухла. – В общем, на восьмом месяце беременности мама встретила этого уродца, который теперь мой отчим, и начала пить. Беременная! Его домой притащила! Думаешь, мы всю жизнь в этой развалюхе жили? Нет. У нас маленькая, но нормальная квартира была, правда мы с Лешкой в одной комнате жили, но ничего, нам хватало. А тут вдруг папы не стало, мама сначала в депрессию, потом к водке потянулась при том, что ребенка ждала. Я даже подрост-ком понимала что она может из-за этого родить больного малыша. Еще и притащила домой скота. Ну и дома мы лишились. И оказались в бараке.

– И за это ты ненавидишь ее?

– За то, что она о Диане не думала. Я с ужасом ее из роддома ждала, её пьяную в него увезли. Читала про матерей-алкашек, и какие могут детки родиться. Диана чудом роди-лась нормальная, у нее только на нервную систему осложнения были. Мне массаж пришлось научиться делать, и в год-полтора после рождения Дианы, которой занималась я, знаешь, я к маме любовью не пылала, – выпалила Люба. – Потом поутихло, конечно. А сейчас я просто смирилась.

Мда. Теперь я больше понимаю, почему Люба была таким трудным подростком. Отрвой, проще говоря.

– Больше не будешь меня личным пытаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.